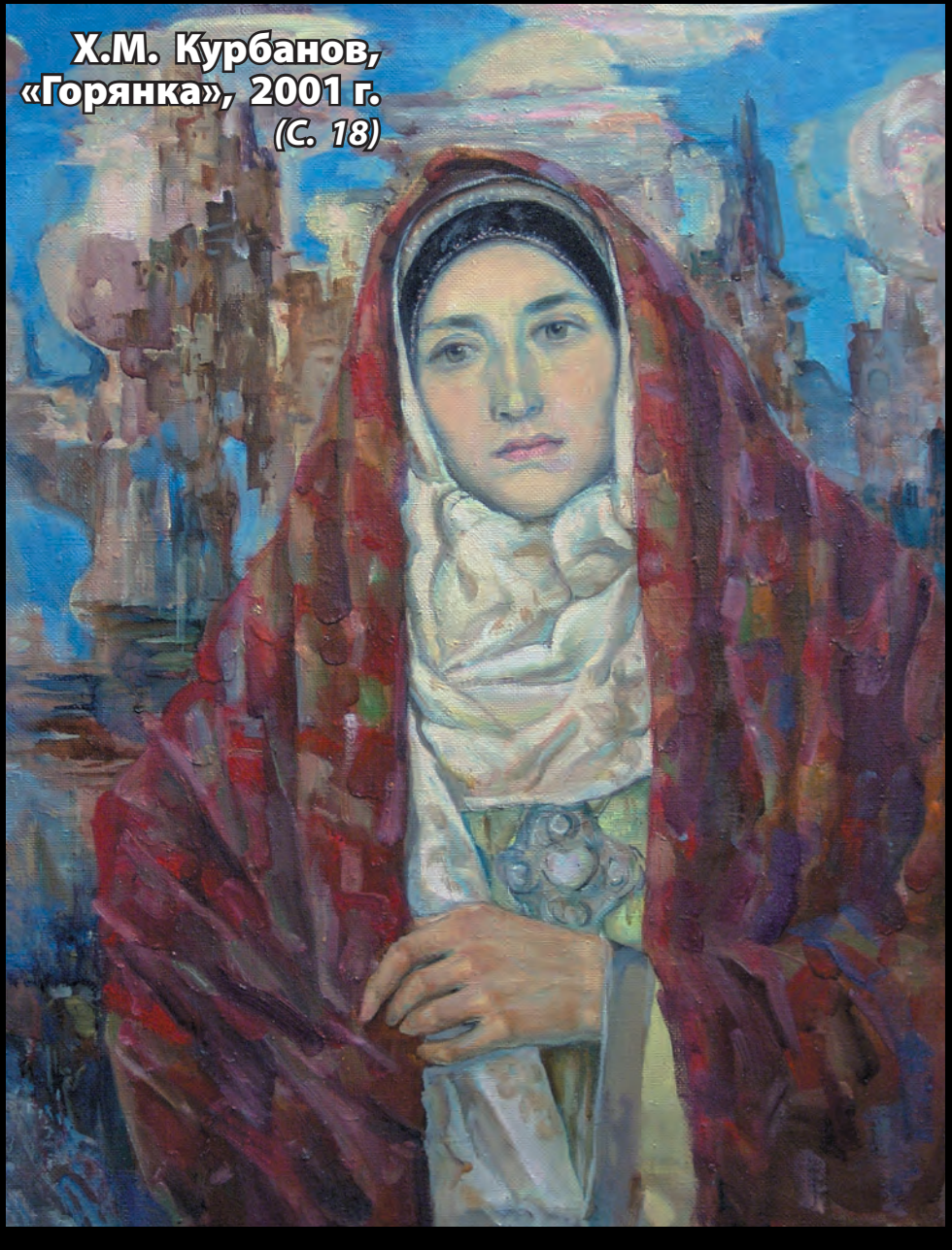
Единственное, чего нет в Черняевке, – это музыки для наших коров *(С. 4)*

Одних только деревьев и кустарников здесь произрастает 68 видов *(С. 9)*

ДАГЕСТАН

№3 (126)
МАРТ 2016



Х.М. Курбанов, «Горянка», 2001 г. *(С. 18)*

С мальчиками дралась, по крышам бегала, курила трубку и ругалась матом *(С. 14)*

Я об этом всегда мечтал, но тайно, вслух не говорил (С. 18)

В этих словах подтекста во много крат больше, чем самого текста *(С. 24)*

А ты, между прочим, тоже не этот… как его… не Сократ *(С. 29)*

О, мальчик, не кушай больше мед, пренебрегая хлебом, это плохо *(С. 33)*

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ-ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ, ДЕНЬ ЕДИНСТВА И БРАТСТВА РАБОЧИХ ВСЕХ СТРАН!
ГОСТИНИЦА
„ДАГЕСТАН"

Колонка редактора

О старом и новом городе

Сегодня с подножья горы Тарки-Тау до приморского парка добирался на высокоскоростном автомобиле в течение сорока минут. Такое ощущение, что весь город застрял в какой-то непробиваемой пробке. Автомобилисты на грани нервного срыва – сигналы, ругань, нецензурная брань в адрес встречных и обгоняющих, проходящих и переходящих. Все против всех, а город в пыли, в грязи, в выхлопных газах и в дымовой завесе.

Вот во что мы превратили некогда уютный, красивый, утопающий в зелени приморский город, куда со всех концов страны ехали туристы, чтобы поплескаться в море, позагорать на песках Каспия, погулять по паркам города, пройти пешими маршрутами по горам, наесться вкуснейшими фруктами и овощами. Мы с трудом проезжаем сегодня пять километров за пятьдесят минут. Торговец на арбе, которую тянули ленивые буйволы в начале века, быстрее добирался с Тарки до базара, чем сегодня авто с шестьюстами лошадиных сил. Тот, напевая веселую песенку, ехал навстречу свежему морскому ветерку, мы же, «топчась на месте», ругаем все на свете, наглухо закрыв окна своих авто, чтобы не надышаться ядовитыми парами...

Недавно в Доме Дружбы презентовали проект по строительству нового городка «**Порт Петровск**» между городами Махачкала и Каспийск.

На мой взгляд, для реализации этого проекта необходимо в самом срочном порядке:

1. Принять и утвердить генеральный план города Махачкала с привлечением высококлассных экспертов, архитекторов, и обнародовать план по градостроительству в печати, чтобы общественность могла проконтролировать реализацию плана.

2. Остановить работу на всех строительных площадках Махачкалы, чтобы привести возводимые объекты к градостроительным нормам, утвержденным генеральным планом.

3. Всем строительным организациям с лицензией предоставить, взамен купленным землям в Махачкале, землю и инфраструктуру в новом городе.

4. Всем, кто хочет заниматься бизнесом, дать возможность строить в новом городе, при условии – строители должны положить 10 процентов суммы проектной стоимости на счет управляющей компании, а когда дом сдадут по всем нормам, им вернут деньги и заберут 10 процентов квартир для республики. Это – за бесплатно предоставленную землю для их бизнеса.

Выполнение последнего пункта даст возможность в будущем обеспечить социально нуждающихся, многодетных, ветеранов и других граждан квартирами. При этом мы полностью разгружаем и приводим в порядок Махачкалу. Республика получает новый современный город по евро стандарту – со всеми удобствами и инфраструктурой, куда приедут отдыхать и гости республики, и сами дагестанцы. Республиканский бюджет получает очень приличные налоги за счет внутреннего спроса и предложений.

Глава Республики **Рамазан Абдулатипов** определил ориентиры, нужна реализация всего задуманного.

В каждом номере журнала «**Дагестан**» вы имеете возможность прочитать маленькие истории отдельных людей из проекта **Светланы Анохиной** «**Был такой город**». Фотографии, лица, воспоминания, человеческие судьбы – как ком в горле для махачкалинца, который имел связь с этим городом. Очень часто вспоминаю знаменитую песню в исполнении **Игоря Корнелюка** на слова замечательного поэта-песенника **Регины Лисиц**:

Ночь и тишина, данная навек,
Дождь, а может быть, падает снег,
Всё равно, бесконечной надеждой согрет,
Я вдали вижу город, которого нет...

Сохраним добрую память и все, что можно сохранить от города, который был, и построим новый город – ради спасения и сохранения старого. Другого выхода у нас нет.

Магомед Бисавалиев

ДАГЕСТАН

№3(126) март 2016 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
печати и информации РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Магомед БИСАВАЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
http://journaldag.ru
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:
Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

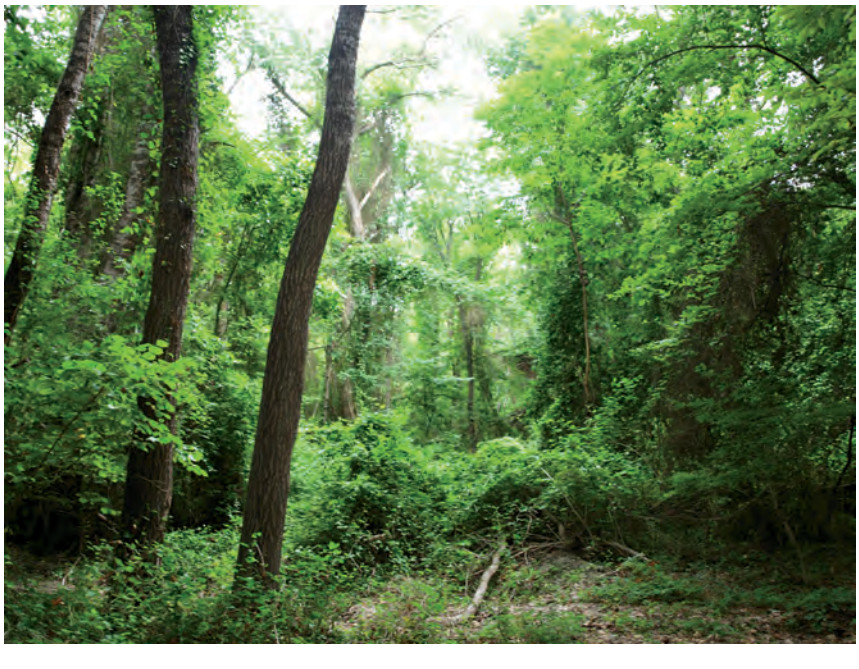
Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.
ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 5.
Тираж – 1500 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.



Содержание номера:

Андрей Меламедов
Якутский виноград и дагестанские алмазы
С. 4

Наида Хаспулатова
Самурский лесопарк
С. 9

Светлана Анохина
Написанному верить
С. 14

Влада Бесараб
Линия жизни мастера
С. 18

Магомед-Расул
О национальном духе и новом мироощущении поэзии Магомеда Ахмедова
С. 24

Далгат Ахмедханов
Спиноза и Сократ
С. 29

Ильдар Абузяров
Троллейбус, идущий на восток
С. 33

Тимур Раджабов
Камня древнее и мягче воды
С. 36

Баху-Меседо Расулова
Сияние луны
С. 38

Андрей Меламедов

ЯКУТСКИЙ ВИНОГРАД И ДАГЕСТАНСКИЕ АЛМАЗЫ

Практически все руководители постперестроечного Дагестана главной проблемой республиканского агропрома называли отсутствие собственных перерабатывающих производств, без чего сельскохозяйственная отрасль устойчиво развиваться попросту не может. Ситуация не изменилась и сегодня. По мнению Рамазана Абдулатипова, выйти из этого замкнутого круга можно лишь за счет создания мощных кластеров – производственных объединений, в которых в качестве ядра выступает некий перерабатывающий центр, вкладывающий средства в создание собственной сырьевой базы.

Сегодня в Дагестане примеров подобного рода не очень много. По большому счету (если исключить из списка предприятия винно-коньячной отрасли) современных кластеров в республике всего два – Кикунинский консервный завод и ОАО «Кизлярагрокомплекс». Первое из них только недавно вступило на путь устойчивого развития, тогда как второе вот уже полтора десятилетия является брендовым – молочную продукцию с логотипом «Дарман» знают в каждой дагестанской семье, а фирменные киоски предприятия давно уже стали приметой каждого города республики.

О кризисе, кластерах и новых брендах корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с первым заместителем генерального директора ОАО «Кизлярагрокомплекс», членом совета по развитию АПК при Главе РД Мухтаром Магомедовым.

– Мухтар, во время кризиса 2008-2010 годов я брал у Вас интервью. Помните, что Вы мне сказали тогда?

– Честно говоря, не очень – столько лет прошло!

– Я напомню. Вы тогда удивили меня, сказав, что для вас кризиса нет, предприятие как развивалось, так и продолжает развиваться. Объяснили Вы это тем, цитирую, что «из-за нехватки денег человек может заморозить строительство дома, не купит новый костюм и будет ходить в старом, но вот от еды он отказаться не может. Как ел три раза в день, так и будет есть. Так что кризиса нам бояться не стоит. Даже наоборот – легче будет конкурировать с подорожавшим импортом». Скажите,

Вы и сегодня смотрите в будущее с таким же оптимизмом?

– Правильно сказал, человек без еды действительно жить не сможет. Правда, теперь оптимизма у меня немного поубавилось в связи с масштабами и глубиной нынешнего кризиса. Да, сегодня люди не перестали есть, но они стали есть намного меньше. Если раньше человек покупал два литра молока и килограмм сыра, то теперь он практически вдвое сократил закупки – берет всего литр молока и просит взвесить грамм четыреста сыра. Одна из самых главных проблем нынешнего кризиса – резкое падение доходов населения и как следствие – снижение покупательной способности. Люди элементарно начали экономить на еде. Кроме того, сильно выросли цены на новое оборудование. А поскольку мы постоянно развиваемся, для нас это очень актуально. Очень негативный момент – рост процентной ставки по кредитам. В агропроме больших прибылей не бывает, и поэтому нынешние проценты сельскохозяйственные предприятия попросту не потянут. Мы, к примеру, сегодня кредит взять не рискнем, дополнительные 5-6 % нам не по карману.

– А участие в программе импортозамещения не помогает сглаживать эти негативные моменты?

– Лишь частично. Ни коров, ни молока в стране ведь больше не стало. Единственное, что изменилось – некоторые предприятия расширили ассортимент выпускаемой продукции. Мы, к примеру, организовали у себя выпуск одиннадцати видов твердых сыров. Закупили оборудование в Болгарии и Германии, пригласили специалистов из-за рубежа для организации производственного процесса и обучения наших работников. Производим российский и голландский сыры, моцареллу, эмменталь, сулугуни. Но, как оказалось, тут имеются свои подводные камни. Начнем с того, что конкурируем мы сегодня в основном с крупными российскими компаниями. Все они без исключения работают на сухом молоке, тогда как мы перерабатываем только естественный продукт. Собственно, мы для этого в свое время и строили собственные фермы, чтобы обеспечить себя натуральным молоком. А поскольку себестоимость тех же кисломолочных продуктов, масла, приготовленных из «живого» молока всегда будет выше, чем у «порошковых» конкурентов, мы изначально оказываемся в невыгодной позиции.

Теперь перейдем к сыру. Мы его производим из свежих сливок, тогда как весь остальной сыр, поступающий в республику, делается на основе пальмового масла. По существу, это продукт большой химии, его вкусовые качества определяются исключительно всякого рода добавками. А поскольку пальмовое масло стоит очень дешево, конкуренты могут позволить себя более низкие цены. Так что импортозамещение нам, по большому счету, особых дивидендов не принесло. Небольшая прибыль есть, и ладно.

– А если завтра санкции и контрсанкции вдруг отменят? Ваши «сырные» линии не встанут?

– Встанут однозначно. Запад обогнал нас очень сильно, особенно в плане новых технологий. Плюс программы государственной поддержки сельхозпроизводителей, действующие практически во всех развитых странах. Конкуренции с ними мы точно не выдержим, они

просто задавят нас более низкими ценами. Так что санкции сегодня для нас благо – буду рад, если они еще лет десять продержатся.

– А российским аграриям разве государство не помогает?

– Помогает. Последние десять лет поддержка идет, деньги выделяются. Правда, хватает их лишь для поддержания штанов. На мой взгляд, помощь должна быть более адресной. Не надо выделять средства трем десяткам умирающих предприятий. Намного рациональней помочь одному, доказавшему делом, что может успешно работать, наращивать объемы производства, увеличивать номенклатуру.

– А примеры привести можете?

– Легко. Пару лет назад Глава Республики сказал о том, что надо всемерно поддерживать бренды нового Дагестана, чтобы они стали узнаваемыми не только в республике, но и во всей России. Замечательная идея. Одна беда, узнаваемые бренды не появляются по мановению руки, их становление связано, как правило, с серьезными финансовыми вливаниями, грамотно выстроенной маркетинговой политикой. Но, самое главное, в основе их должна обязательно быть интересная, оригинальная идея, благодаря которой они собственно брендами и становятся. Увы, в последнее время новые бренды в республике практически не появляются. Поэтому то немногое, что у нас есть, надо всячески поддерживать.

К примеру, вот уже более двадцати лет в республике работает крестьянско-фермерское хозяйство «Дидо» из Цунтинского района. Но многие ли дагестанцы знают о нем? А между тем здесь производят продукцию, которая вот уже сотни лет составляет славу Дагестана, золотой фонд нашей народной кухни. Это, прежде всего, наш знаменитый урбеч (его в КФХ «Дидо» готовят почти два десятка видов), натуральный горный мед, толокно, мука из льна, кукурузы, тыквенных семечек, ячменя, черного тмина и других продуктов, натуральные лечебно-диетические напитки, созданные на основе экологических продуктов, выращенных высоко в горах. Все это, во-первых, создается на основе старинных народных рецептов, бережно передаваемых из поколения в поколение, а, во-вторых, производится по старинным технологиям. К примеру, семена, орехи и зерно перетираются на мельницах с каменными жерновами, готовятся без термической обработки, что способствует сохранению всех витаминов. По моему мнению, именно таких лидеров надо финансировать в приоритетном порядке, а об их уникальном опыте регулярно рассказывать в телевизионных передачах, писать в газетах и журналах.

– Согласен на все сто процентов. Когда в финансировании действует принцип «всем сестрам по серьгам», прорывов ожидать не стоит. Единственное «достоинство» такого подхода – в общем списке зачастую оказываются «нужные» предприятия, принадлежащие друзьям и родственникам чиновников, занятых распределением финансовой помощи.

Но вернемся к брендам. Расскажите, как сегодня развивается бренд «Дарман»?

– Никак. Наши давние планы пока, увы, так и остаются планами, а программа строительства собственных ферм выполнена только на треть.

– Напомните, сколько ферм вам все-таки удалось построить?

– Три. Прежде всего, это наш первенец – племенное предприятие «Элита» в СПК «Урицкий» на 1200 голов. На сегодняшний день – это единственный действующий племзавод в Дагестане. О качестве поголовья говорит то, что среднегодовые надои на одну корову здесь составляют 5 тысяч килограммов – в три раза выше, чем в среднем по республике. Второй наш реализованный проект – агрофирма «Молочник», созданная совместно с СПК «Некрасовка». Здесь тоже содержатся 1200 коров, большая часть которых – дойные.

Ну и, наконец, третий объект, построенный в рамках национального проекта «Развитие АПК», – это животноводческий комплекс европейского уровня на 2,5 тысячи голов крупного рогатого скота в селении Черняевка. Эта ферма уникальна не только для Дагестана. Ни в одной республике СКФО нет предприятия

такого уровня: полная автоматизация всех процессов, отсутствие ручного труда, доильный зал на сорок коров, обслуживаемый всего двумя доярками, – в общем, все как в Европе. Не успеваем туда экскурсии возить. Я часто повторяю, что единственное, чего нет в Черняевке, – это музыки для наших коров, но и это, думаю, вопрос решаемый. В сутки наши три фермы производят 30 тонн молока – независимо от сезона, тогда как поставки из других хозяйств (а у нас сегодня более шестидесяти поставщиков) очень сильно зависят от сезона. Если летом они доставляют на наш завод до 50 тонн молока, то зимой этой показатель сокращается практически в 10 раз.

– Насколько сильно загружены мощности завода, который, как я знаю, постоянно модернизируется?

– С учетом того, что предприятие способно переработать до 200 тонн молока в смену, – в среднем процентов на 30. Мы ведь вкладывали средства в реконструкцию предприятия «про запас», рассчитывая на то, что процесс строительства ферм будет продолжаться непрерывно, но, увы, жизнь внесла свои коррективы. В частности, мы планировали построить современный комплекс на 3,5 тысяч голов КРС в селении Огузер, но сегодня этот проект «завис», несмотря на то, что получил в республике статус приоритетного. Сначала предполагалось, что необходимая инфраструктура для комплекса, расположенного в 40 километрах от города и в 11 километрах от трассы, будет построена за счет средств Инвестиционного фонда РФ, но потом этот фонд ликвидировали. В Москве решили, что инфраструктурные проекты в сфере АПК должны возводиться за счет региональных бюджетов. А поскольку бюджет Дагестана очень ограничен, очередь до нас, думаю, дойдет не скоро. Особенно в кризис, когда и без того сокращаются практически все статьи расхода.

– Может быть, вам просто не хватает административного ресурса? Не секрет, что в Дагестане этот фактор зачастую оказывается определяющим.

– Да нет, кураторы отрасли оказывают нам постоянную поддержку. И первый заместитель министра сельского хозяйства Камалутдин Камалутдинов, и наш куратор заместитель министра Шамиль Бахарчиев, и работники Администрации Главы РД оперативно решают наши вопросы, поддерживают в начинаниях. Но все опять-таки упирается в возможности нашего бюджета. Спасибо, что не прекращается субсидирование по линии Минсельхоза, без этого наш бизнес бы полностью встал.

Это, кстати, не только российская проблема – на Западе на каждый вложенный доллар производитель получает дотацию в размере 80 центов – в разы больше, чем у нас, а кроме того государство активно помогает аграриям с продажами.

– У нас же, как я знаю, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Абсолютно верно. Иной раз доходит до смешного. Мы не раз и не два заявляли о своей готовности поставлять свою продукцию предприятиям социальной сферы – школам, больницам, детским садам – с десятипроцентными скидками, но, как видно, никому в республике это не нужно. Нет, на словах, нас все поддерживают, говорят: «Молодцы, прекрасное решение!», но дальше этого дело не идет.

– На проблеме продаж хотелось бы остановиться немного подробнее. Какова доля

«Кизлярагрокомплекса» в структуре «молочных» продаж в Дагестане»?

– Примерно 10 процентов. Во многом это обеспечено за счет развития собственной торговой сети, насчитывающей несколько десятков фирменных киосков. Кстати, такую же сеть мы сейчас создаем в Астрахани, правда, там объемы пока еще не очень большие.

– А сколько продукции поставляют на дагестанский рынок другие молочные заводы республики?

– Около 15 процентов. Но мы единственные, кто работает на натуральном молоке. В связи с этим, на наш взгляд, руководству Республики необходимо полностью пересмотреть политику в области молочного животноводства. Даже неспециалисту ясно, что сегодня надо создавать крупные комплексы по производству и переработке молока в районах традиционного развития молочного животноводства – Хасавюртовском. Кизилюртовском, Бабаюртовском. Именно здесь должны заработать молочные кластеры, о необходимости создания которых говорил Глава Республики.

При этом надо иметь в виду, что инвесторы из других регионов в эту отрасль не придут. На икру и рыбу – придут, на вино и коньяк – с удовольствием, а вот на молоко – нет. Особых прибылей тут ожидать не стоит, хотя на стабильный уровень доходов со временем выйти можно. Поэтому, на мой взгляд, республика, невзирая на скудный бюджет, должна стимулировать местных производителей – помогать с кредитами, строительством инфраструктуры, освобождать от местных налогов. Иначе прорыва в этой области не обеспечить, и мы будем вынуждены завозить продукцию сомнительного качества из других регионов, подрывая при этом продуктовую безопасность.

– Если государство не окажет вам поддержки, от строительства комплекса в Огузере придется отказаться?

– Нет, мы являемся заложниками ситуации, которую сами и смоделировали – чтобы мощности завода не простаивали, необходимо наращивать производство молока. Так что потихоньку будем строить комплекс за счет собственных средств. Правда из-за их ограниченности, боюсь, что строительство это растянется на долгие годы.

– А разве с ростом цен на молочную продукцию ваши доходы не увеличились?

– Нет, конечно, особенно, если пересчитывать на валюту. Связано это с тем, что вместе с ценами выросла и стоимость упаковки, транспортные расходы, многое другое. И все это на фоне сокращения продаж, о чем я говорил в начале разговора. В итоге мы не выиграли, а потеряли. Как, впрочем, и другие российские производители пищевой продукции.

– Напоследок несколько слов о том, по какому пути должно развиваться сельское хозяйство в Дагестане?

– Как я уже говорил, нам надо делать акцент на развитие традиционных отраслей, производить традиционные экологически чистые продукты. Никто ведь не будет выращивать виноград в Якутии, и пытаться организовать добычу алмазов в Дагестане. Мы должны поставлять на рынок наши фрукты и овощи, сыр, молочную продукцию, вино и коньяк, соки и консервы, тот же урбеч. Государство должно поддерживать именно эти отрасли, не распыляя и без того небольшие средства, выделяемые на развитие АПК.

Наида Хаспулатова

САМУРСКИЙ ЛЕСОПАРК

Когда говорят о Дагестане, вспоминают горы, море, бурные речки. И почти никогда леса. Оно и понятно, мы плетемся в хвосте среди самых зеленых регионов России. Показатель лесистости в нашей республике в 4 раза ниже, чем в среднем по России. Поэтому настолько важно нам сохранять чуть ли не каждое деревце – иначе и дышать будет нечем, и равнина превратится в пустыню. При этом мы гораздо чаще слышим о срубленных деревьях, чем о новых посадках.

В Дагестане всем, что связано с лесом, занимается Комитет по лесному хозяйству РД. Как часто бывает, обязанностей у них явно больше, чем возможностей. Что происходит с лесами сейчас, растет их площадь или уменьшается, что мешает развивать эту отрасль? Обо всем этом мы решили узнать у председателя Комитета по лесному хозяйству Алибека Гаджиева.

– Два года назад жители прилежащих к Самурскому лесу сел выходили на митинги, чтобы защитить этот уникальный памятник природы. Они считали, что из-за развернутого здесь строительства водовода лес погибает. Стройку остановили, но что сейчас происходит с Самурским лесом? Действительно ли он засыхает на глазах?

– Лесной массив дельты реки Самур действительно является уникальным участком природы. Здесь еще сохранились массивы низинных дубовых лиановых лесов. Эти леса растут на пойменных, хорошо увлажненных почвах. В сочетании с низинными лесами по берегам реки и прирусловым террасам развивается древесно-кустарниковая растительность третичного типа.

Одних только деревьев и кустарников здесь произрастает 68 видов. Характерно обилие средиземноморских лиан – более 15 видов. Специфические условия дельты реки Самур являются причиной непомерного развития – гигантизма, некоторых древесно-кустарниковых и травянистых видов, который обусловлен близостью грунтовых вод, множеством родников и ручьев, которые напрямую зависят от объемов стока реки Самур.

Мы постоянно ведем контроль над лесом. Нельзя сказать, что он погибает, но, несомненно, тип растительности меняется. Влаголюбивые растения сменяются на сухоустойчивые из-за снижения уровня грунтовых вод, а уровень снижается из-за того, что большая часть воды уходит в Республику Азербайджан, и не производится

обязательный экологический сброс Самура в Каспийское море.

Повлиять на эту ситуацию мы не можем, но делаем то, что в наших силах. Правительство Дагестана обратилось в Федеральное агентство по лесному хозяйству России с просьбой придать Самурскому лесу, входившему раньше в состав Магарамкентского лесничества, статус лесопарка. Буквально на днях такой приказ подписан. Это поможет сохранить особо ценный памятник природы. В Самурском лесу будет введен особый режим – запрещена сплошная вырубка, химическая обработка и т.д. Это будет первый, и пока единственный, лесопарк в нашей республике.

Также в целях организации структуры в Дагестане дополнительно созданы еще 4 лесничества – Кайтагское, Каякентское, Хивское и Кизлярское.

– Что входит в обязанности вашего Комитета?

– Мы отвечаем за все земли лесного фонда. Площадь земель лесного фонда составляет 449,1 тыс. га, в том числе покрытая лесной растительностью – 365,9 тыс. га. Площадь земель лесного фонда в республике больше, чем в любой республике Северо-Кавказского федерального округа.

Лесистость территории Республики Дагестан составляет 10,6 %, причем ее распределение по районам очень неравномерно. Самая низкая степень облесенности в Докузпаринском, Тарумовском, Ногайском, Кулинском, Бабаюртовском районах – от 0,3 до 1,6 %. Высокая степень облесенности в Табасаранском, Сергокалинском, Казбековском, Кайтагском, районах Цунтинском – свыше 40%. Больше всего лесов расположено в границах Цунтинского, Тляратинского, Буйнакского, Табасаранского районов – там площадь лесов составляет от 40 тыс. га до 60 тыс. га.

Лесные земли составляют 83 % общей площади земель лесного фонда. Нелесные земли включают дороги, болота, сенокосы и прочие безлесные пространства. Вопросами развития лесного хозяйства, лесных отношений в республике занимается Комитет по лесному хозяйству, который на землях лесного фонда осуществляет отдельные полномочия Российской Федерации в области лесных отношений, переданные органам государственной власти субъекта Российской Федерации.

В рамках переданных полномочий Комитет разработал Лесной план – основной документ лесного планирования на территории республики. Комитет уполномочен Правительством Республики предоставлять лесные участки в пользование юридическим и физическим лицам, организует использование лесов, их охрану, защиту, воспроизводство.

Мы осуществляем на землях лесного фонда федеральный государственный лесной надзор и государственный пожарный надзор, и имеем ряд других полномочий.

Эти полномочия Комитет осуществляет самостоятельно и через подведомственные государственные учреждения. Субвенции на их осуществление выделяют из федерального бюджета. Однако отмечу, что за последние 3-4 года значительно повысился уровень софинансирования из республиканского бюджета.

– В последнее время мы чаще слышим о вырубке лесов под дома, пашни, чем про новые

посадки. А по Вашим данным, лесов в Дагестане становится больше или меньше?

– Общая площадь лесов растет. Увеличение площади земель лесного фонда происходит за счет перевода лесных культур и молодняков естественного происхождения в покрытые лесной растительностью земли. В основном растут бук, дуб, граб, сосна, тополь, ива. Запас насаждений на землях лесного фонда составляет 43,5 млн кубометров. Это третий показатель среди субъектов, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа.

В связи с малой лесистостью лесовосстановительные мероприятия и лесоразведение в республике имеют первостепенное значение. По объемам лесовосстановления Дагестан занимает первое место среди республик Северо-Кавказского федерального округа. В горных районах основным способом лесовосстановления является содействие естественному возобновлению и посев семян лесных древесных пород.

В равнинных и предгорных районах лесовосстановительные работы проводятся путем создания лесных культур по различным схемам смещения пород и размещения. Предпочтение отдается лесным насаждениям из ценных древесных пород или пород, являющихся типичными для данных мест произрастания. В последние годы для создания лесных культур в основном применяются сеянцы ясеня, акации, вязи, а в горной местности – семена сосны обыкновенной.

Мероприятия по воспроизводству лесов в рамках государственного задания выполняет государственное бюджетное учреждение «Республиканские леса», основной целью деятельности которого является реализация мероприятий по защите и воспроизводству лесов, расположенных на землях лесного фонда и в лесах, расположенных на землях иных категорий.

– Возглавив Комитет, Вы собирались активно заняться хозяйственной деятельностью, – чтобы лесничества могли получать прибыль. Удались ли Ваши планы?

– Лесники госучреждения не имеют права заниматься хозяйственной деятельностью, поэтому в начале 2015 года было создано ГАУ (Государственное автономное учреждение) «Дагестанские леса». За прошедший год за счет оказываемых услуг оно заработало более 6 миллионов рублей. В этом году рассчитываем получить больше. Кроме поставки древесины планируем производство древесного угля, закупим оборудование для переработки лесоматериалов. Будем и дальше создавать рабочие места и увеличивать доходную базу.

Самый большой, но не самый важный лесной ресурс – это древесина. В Дагестане из-за малолесистости нет промышленных лесозаготовок – вырубаем только погибшие и поврежденные деревья. В республике нет и крупных предприятий для переработки древесины. Есть небольшие цеха индивидуальных предпринимателей, которые путем переработки древесины получают изделия для использования в быту, в хозяйстве. Основная же масса древесины используется жителями в качестве топлива в населенных пунктах, где газ еще не подведен.

Леса республики обладают значительным рекреационным потенциалом, использование осуществляется в соответствии с Лесным планом. В настоящее время основной формой использования лесов является аренда лесных участков. Более 1300 участков находятся в пользовании у граждан и юридических лиц.

Значительные площади предоставлены в аренду для ведения сельского хозяйства. На землях лесного фонда заложены фруктовые

сады, виноградники, располагаются фермы для содержания сельскохозяйственных животных. Тем самым вносится весомый вклад в развитие агропромышленного сектора в республике.

– Периодически появляются сообщения о том, что какой-то лес горит несколько дней. Кто должен бороться с такими пожарами?

– Лесные пожары являются основной причиной повреждения и гибели лесов на значительных площадях. При лесных пожарах повреждается или полностью уничтожается растущий лес вместе с подлеском, подростом и травяным покровом. В связи с этим утрачивается источник получения древесины, и резко снижаются водоохранно-защитные и санитарно-гигиенические свойства леса. Около 80 % лесных пожаров возникают по вине человека. Основные мероприятия по охране лесов от пожаров выполняет ГАУ «Дагестанский лесопожарный центр».

Главная наша задача – не допускать возникновения очагов возгорания в лесах. В целях предупреждения лесных пожаров мы проводим работы по противопожарному обустройству – строим лесные дороги, прокладываем минерализованные полосы, несем дежурство на пожарных наблюдательных пунктах. В местах, где накопилось большое количество сухих горючих материалов, проводим профилактическое контролируемое противопожарное выжигание. В наиболее пожароопасных местах наши работники проводят патрулирование. Принимаемые меры позволяют своевременно выявить или ограничить распространение очага возгорания.

Важное значение придаем противопожарной пропаганде. Мы также частые гости в общеобразовательных школах. В результате проведения таких мероприятий отношение людей, особенно подрастающего поколения, к окружающей среде изменяется в лучшую сторону.

– Насколько актуальна проблема незаконных рубок?

– Это одна из самых острых проблем. Незаконная рубка лесов и нелегальный оборот заготовленной древесины наносят огромный ущерб экономике и являются следствием нескольких причин, широко распространенных в стране.

В основном нам приходится бороться с двумя видами незаконной заготовки древесины. Первый – это самовольные рубки для собственных нужд, особенно вблизи населенных пунктов. Второй – это рубки, которые проводятся на основании разрешительных документов, но с явными грубыми нарушениями действующих правил. К ним можно отнести заготовку древесины под видом санитарных рубок, рубку лучших деревьев под видом ухода за лесом.

Леса, подвергшиеся подобным «санитарным рубкам» или «уходу» (а это в основном лучшие деревья или лучшие насаждения), теряют биологическую устойчивость и продуктивность, и могут надолго выбыть из хозяйственного использования. Именно незаконные рубки этого типа причиняют максимальный вред лесам и лесному хозяйству, ведут к деградации всего лесного хозяйства – вплоть до полного его исчезновения.

Государство в последнее время принимает законодательные акты, направленные против незаконной заготовки древесины и нелегального оборота древесины. Серьезной мерой в этом направлении является поэтапно введенная

с 2014 года единая государственная автоматизированная система учета древесины и сделок с ней.

Впервые осуществляется государственный учет всей заготовленной древесины – независимо от того, кто эту древесину заготавливает. Древесина подлежит учету до ее вывоза из леса. Оформляется сопроводительный документ, который характеризует параметры перевозимой древесины, указываются сведения о собственнике, грузоотправителе, грузополучателе, государственный регистрационный номер транспортного средства и другие сведения.

Система ЕГАИС («Единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней») предполагает внесение информации о сделках с древесиной обеими сторонами – продавцом и покупателем.

В систему вносятся и другие данные, позволяющие обеспечить учет заготавливаемой древесины, контроль за достоверностью внесенной информации. Это серьезный инструмент противодействия нелегальному обороту древесины.

– В Дагестане популярен отдых на море и в горах. А отдыхает ли кто-нибудь в лесу и есть ли для этого возможности?

– На долю рекреации приходится 78 % от общего количества арендованных лесных участков. Особо привлекательными являются лесные участки, в границах которых предусматривается строительство, реконструкция и эксплуатация объектов для осуществления рекреационной деятельности и на которых допускается возведение физкультурно-оздоровительных и спортивно-технических сооружений.

Для рекреационных целей предоставлены лесные участки лесного фонда Махачкалинского, Хасавюртовского, Каякентского, Дербентского, Магарамкентского лесничеств. Республика Дагестан является перспективным регионом для развития туристско-рекреационной деятельности. С ростом численности и уровня жизни населения возрастает потребность жителей в использовании рекреационных ценностей леса и экологических преимуществ лесных угодий. Данный вид деятельности способен приносить высокие доходы в бюджет и способствовать социально-экономическому развитию региона, создать новые рабочие места.

Мы хотим популяризировать в нашей республике любимый русский вид отдыха – сбор грибов, ягод, лекарственных растений и охоту. В пейзажах русской живописи и литературы, как профессиональной, так и фольклорной, леса абсолютно преобладают над другими ландшафтами. Россия обладает самыми большими в мире запасами леса.

– В последнее время часто приходится видеть большие участки высохших деревьев. Почему? И как с этим бороться?

– Леса приходится защищать от появления вредных организмов, не допускать их распространения, а в случае появления – локализовать и ликвидировать. В целях обеспечения санитарной безопасности в лесах осуществляются лесопатологическое обследование и лесопатологический мониторинг, по результатам которых принимается конкретное решение о проведение работ по локализации и ликвидации очагов вредных организмов или санитарно-оздоровительных мероприятий.

Чаще всего у нас в республике встречаются такие вредители листьев старших возрастов, как непарный шелкопряд, дубовая зеленая листовертка, златогузка. Принимаемые меры борьбы заключаются в сборе и уничтожении яйцекладок, наземная или авиационная обработка насаждений рекомендованными препаратами.

Светлана Анохина

НАПИСАННОМУ ВЕРИТЬ

(Наш журнал продолжает публикацию фрагментов из разных интервью, в которых речь идет о Стране, Эпохе и Судьбе. Начало в № 1-12 за 2015 г., № 1-2 за 2016 г.)

* * *

Дядя с фронта вернулся неожиданно, никого не предупреждал. Ночью я проснулась и увидела, что рядом с подушкой лежит коричневая жакетка. Как же я обрадовалась, когда ее увидела! Больше заснуть не смогла, все сидела, трогала ее. По размеру она мне подходила. Но у родных не осмелилась спросить: «Это мне

купили?» Мечтала о том, как я ее надену в школу, что, наконец, не буду оборванкой. Еле дожила до утра. А утром, когда все проснулись, мою жакетку отдали младшей двоюродной сестре. Ей было всего пять лет, жакетка была ей велика. Да и в школу она не ходила! Как же я долго плакала из-за этого. В моей жизни много тяжелого было, сын умер, муж умер. Много чего, но ту обиду, то свое детское горе я до сих пор помню.

* * *

Мне вспомнилась моя аварская прабабка. Как рассказывают старшие, с мальчиками дралась, по крышам бегала, курила трубку и ругалась матом. Моя тетя, папина старшая сестра, носит имя этой бабушки. Замуж за прадеда она вышла так – прабабушка, тогда еще молодая коза, бегала по стройке и наступила на гвоздь. Недалеко сидели ребята, среди них – прадед, который уже был влюблен в нее, но она воротила от него нос, так как он на несколько лет был младше. И вот она на одной ноге доскакала до ребят и в слезах умоляла вытащить гвоздь. Прадед сказал, что убьет каждого, кто до нее дотронется, а ей сказал, что вытащит гвоздь, если она при всех сейчас согласится стать его женой. Той, кажется, уже пофиг все было, и она согласилась.

Когда я услышала эту историю впервые, искренне удивилась: «И она, не желая выходить за него замуж, все равно сдержала обещание?» Тетя ответила, что «наверное, тогда данное слово много значило для людей».

* * *

Бабушка моя была образцом для подражания. Мужчин почти всех выбило, выкосило – остались женщины. Бабушка рассказывала много, как она жила, как их выселяли. Я думал, что если мне тоже придется такое пережить, я буду брать пример с бабушки, я тоже буду такой же выносливый, стойкий. У нее муж (мой дед) считался кулаком, так им сожгли дом и имущество, она с тремя детьми осталась на улице. Когда брат ее свекрухи забрал к себе, ихний дом тоже сожгли. Там был сельский Совет, и в нем закрыли 5 или 6 женщин, кушать не давали и грозили расстрелять. А бабушка сказала: «Расстреляйте, мне в один день умереть лучше, чем каждый день смотреть на голодных детей; давать им нечего, крыши над головой нет, дом мой сожгли, лучше мне умереть». Это было зимой, и ее сестра через решетки кидала им снежные шарики вместо воды. Не расстреляли, выселили их в Казахстан, и там она похоронила двух своих сыновей. Единственный ребенок остался – мама моя.

* * *

Дед все время, что в Казахстане жил, тосковал по родине; отец говорил, что все его детство прошло под рассказы о Дагестане. И уже можно было вернуться – умер Сталин, но деду трудно было решиться. У них было большое хозяйство, дом они построили, работу дед нашел себе хорошую. И, наверное, он думал: «Останусь, не буду ворошить». А когда отцу было 17 лет, он уговорил дедушку: «Давай я поеду, посмотрю на твою родину». Приехал, осмотрелся, ему понравилось здесь. И он сказал деду: «Давайте будем переезжать».

Они нашли дальних родственников и решили быть поближе к ним. Дед продал дом в Казахстане, послал деньги двоюродному племяннику и попросил его: «Купи мне что-то подходящее». А племянник был такой жуликоватый, он купил ему хатенку, остальные деньги то ли был кому-то должен, то ли пропил (он пил сильно, но дед об этом не знал). И вот они приезжают сюда и видят этот дом. «Даже

не было забора», – вспоминает папа. А у них в Казахстане был кирпичный добротный дом, сад, скотины много. А здесь хатенка, земляной пол, крыша с деревянными подпорками, и они вынуждены были так жить.

* * *

Отца своего я не знаю, не помню. Ушел на фронт в 41-м. А мама мной беременная была. Ну и родственники отца ее выгнали. Они татары были и говорили всегда: «Нам не надо русскую сноху». Она с пузом этим огромным к своим подалась. Но и там мамина мама и дядьки ее тоже не приняли: «Нам он тоже, басурманин, не нужен. Отдай куда-нибудь ребенка и тогда приходи». Она ушла, и оттуда и живот свой унесла. Отец с войны вернулся, но нас не искал, не захотел, ему новую подобрали жену. Вот так и получилось, что при живых бабушках и дедушках, при стольких родственниках с обеих сторон мы с мамой жили как сироты. Мама крестила меня в церкви. А я, знаете, я себя отношу к мусульманской религии. Потому что папа был мусульманин.

* * *

Я когда маленьким был совсем, у нас в селе жила бабушка. Мы ее бабенькой называли. Она была одинокой. Эта бабенька раньше, еще до Октябрьской революции, была барыней. У ее семьи было производство – спиртзавод был и еще фабрика кондитерская. Ты вот ей конфетку даешь, так она рецепт любой конфеты знала. У ней муж и сын где-то потерялись: то ли за границу убежали с белыми, то ли погибли – в общем, она не знала, где они. А из их дома ее выселили, и она в нашу деревню прибилась. Жила у чужих людей в чуланчике таком. Что ела, даже не знаю. На селе без своего огорода тяжелехонько жить. Ну так вот у них, у православных, в среду и в пятницу не едят ни молочное, ни мясное, а мне как-то принесли конфеты «Золотой ключик». И я понес, думаю, бабеньке дам – ничего же про православие не знаю. Прихожу, даю ей конфету, а она говорит: «Нет, не возьму. Сегодня среда, грех эти конфеты кушать». – «Почему?» – «А в них молоко». А я говорю: «Ну ладно, пусть лежат, завтра съешь. В четверг можно». Вот такая вот она была. Не знаю, бывают ли сейчас такие люди.

(Продолжение следует)

Влада Бесараб

ЛИНИЯ ЖИЗНИ МАСТЕРА

Согласно популярной «теории шести рукопожатий», каждый из нас знает любого человека на планете через цепочку общих знакомых из пяти человек. Молодых дагестанских художников от основоположников профессионального искусства республики Джэмала и Аскар-Сарыджи отделяет всего одно рукопожатие – рукопожатие профессора Хайруллы Магомедовича Курбанова. О знакомстве с классиками и том, каково это – самому считаться таковым, о реализме и нефигуративном искусстве, о мечтах и о любви народный художник Дагестана рассказал нашему журналу накануне своего 80-летия.

– Я родился в селении Хурукра Лакского района, а когда мне было пять лет, мы переехали в Кумух: мать там работала в типографии районной газеты. Отец к тому времени ушел на фронт, до войны он был режиссером Лакского театра, который тоже располагался в Кумухе. Отец окончил музыкальное училище в Махачкале и МХАТовские курсы в Москве. Но после войны он в театр уже не вернулся, работал, как тогда говорили, «по партийной линии».

– Как ваша семья жила во время войны? Как вы встретили Победу?

– Трудно жили, как все, хотя мы, дети, о трудностях не думали. Учились, по хозяйству помогали. Помню, как тренировали новобранцев перед отправкой на фронт, как они уезжали на грузовиках, а вслед машинам все почему-то бросали камни. До сих пор не знаю, что этот обычай значит. Помню, как встречали первого Героя Советского Союза – лакца. Вся главная улица до площади была застелена коврами! Такая радость была у всех, такая гордость за земляка! А вот где я был, когда объявили Победу, не помню. Потом все побежали на площадь, к репродуктору, радовались, танцевали, обнимались, плакали. Отец за время войны несколько раз домой приезжал, ему давали два-три дня отпуска после ранений. Только он из трех братьев с фронта вернулся: один в боях за Кавказ погиб, а другой даже не знаем где – без вести пропал. Сколько запросов делали, куда только ни писали – так ничего и неизвестно, да-а *(вздыхает)*… А я с семи или восьми лет работал – афиши для кино писал! А в 10 научился киноаппаратом управлять – он большой такой был, я стульчик подставлял, чтоб дотянуться, – и смотрел все фильмы, которые детям смотреть не положено *(смеется)*! «Девушка моей мечты», «Мост

Ватерлоо», все трофейные картины. Рисовать я любил всегда. В школе у нас был кружок. Бумаги, конечно, не было, поэтому рисовали, на чем попало, и чем попало. В 1953 г. окончил школу и поехал в Баку поступать.

На гудекане, 1966 г.

– В художественное училище?

– Нет, в нефтяной институт! Тогда это была популярная профессия – после войны промышленность развивалась, специалисты нужны были. И у нефтяников еще была красивая форма полувоенного типа. В общем, 10 человек нас туда поехало и все провалились на первом же экзамене! На азербайджанском отделении был диктант, но мы азербайджанского не знали, поэтому поступали на русское отделение, а там – сочинение; естественно, все получили двойки. Но домой я не поехал, у меня в Баку были родственники, которые помогли мне устроиться работать в типографию. Там издавали учебники в основном. Бумаги вокруг было сколько угодно, поэтому в свободное время я рисовал. Кто-то из художников, иллюстрировавших учебники, пришел в издательство, увидел мои рисунки и посоветовал поступать в художественное училище.

Кубра, 1982 г.

– Получается, вы сами серьезно не думали о том, чтобы стать художником?

– Я об этом всегда мечтал, но тайно, вслух не говорил. Не знаю, почему. В училище мне нравилось, учился с удовольствием. Тогда и познакомился с Гейбатовым (Гейдар Нурахмедович Гейбатов – скульптор, народный художник России, и сегодня друг и коллега Хайруллы Курбанова. – *Ред.*), он на год раньше меня поступил. И в Ленинградский художественный институт (*сейчас – Санкт-Петербургский государственный институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина*) тоже раньше уехал. За год до окончания училища я написал запрос в министерство культуры Дагестана, чтобы мне дали направление на учебу в Ленинград. А когда пришло время ехать поступать, меня чуть не забрали в армию! Без открепления от военкомата уехать было нельзя. С огромным трудом, можно сказать, чудом, этот вопрос все-таки решился, я прилетел вечером, а утром уже были экзамены. До сих пор помню, как волновался, когда подавал документы, наклонившись к маленькому окошечку. Жили мы в общежитии, в знаменитом «доме Куинджи» на Английской, а тогда она называлась Краснофлотской, набережной. Это был красивый старинный особняк с высокими потолками, лепниной, каминами. В вестибюле стояла фисгармония. Сейчас здание закрыто уже несколько лет, а интересно было б зайти посмотреть. В 1965 я вернулся в Махачкалу

С женой

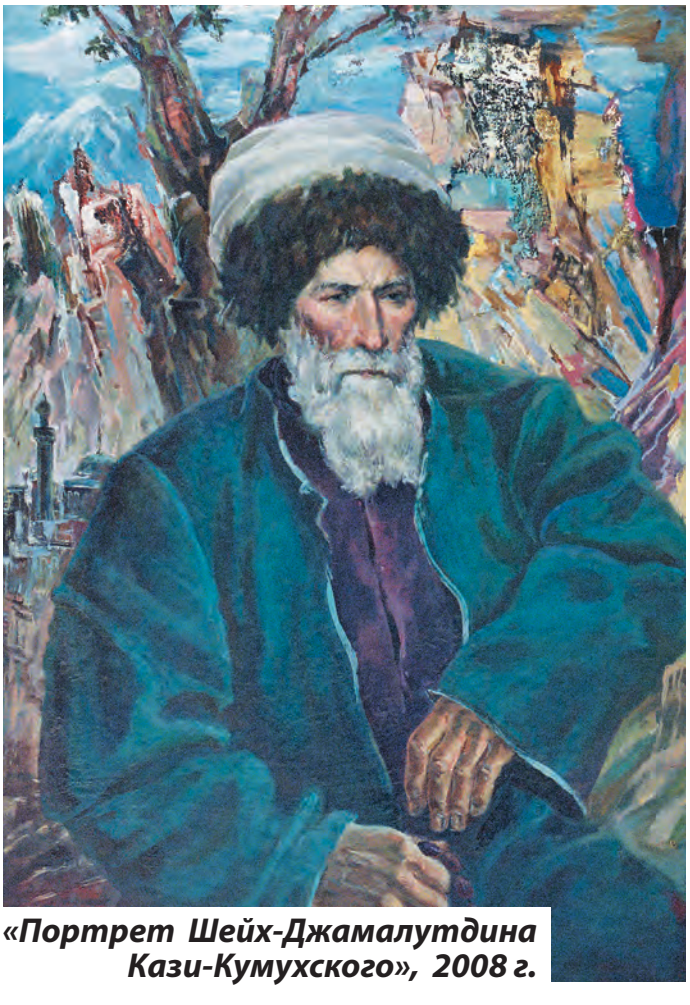
и меня направили работать в художественное училище. Сейчас оно носит имя Джэмала. Я приходил к нему, когда он был председателем Союза художников Дагестана, показывал свои рисунки, просил рекомендацию для поступления. Вместо напутствия он сказал: «Езжай и не возвращайся года три, чтобы по Дагестану сильнее скучал и хорошие картины о родине писал!».

– Но вы вернулись не один, а с женой – тоже выпускницей Репинки Галиной Васильевной Пшеницыной, для которой Дагестан стал родиной, и которая также посвящает ему прекрасные картины!

– Нет, я приехал один, а через год поехал за Галиной Васильевной в Рязань, куда ее распределили. Еще во время учебы мы приезжали в Дагестан вместе, я с родителями ее познакомил. Наверное, они хотели невестку «из своих», но я был уже самостоятельным, так что на меня не давили в этом вопросе. А вот родственники Галины Васильевны, советовали ей «держаться подальше от этого турка» *(смеется)*, но она не послушалась. Свадьбы как таковой у нас не было: зарегистрировались, накрыли стол у родственников дома, все было очень скромно. Она тоже стала работать в училище. Это было в 1966 году.

– Это же получается, у вас в этом году золотая свадьба!

– Да?! Ну, значит, получается. В чем секрет семейного счастья? Общие интересы, общие симпатии, когда человек любит то, что ты любишь, когда у вас одни семейные ценности: любовь к детям, взаимоуважение, скромность в быту. Моя жена от меня кроме внимания и доброго отношения никогда ничего не требовала – ни драгоценностей, ни дорогой мебели. Она очень много дала детям – и в смысле искусства, и в смысле понимания жизни. Больше, чем я. Я тогда все время был в командировках, занимался служебными делами. У нас трое сыновей. У старших способности были видны с детства, а вот младший карандаш в руки не брал, зато техникой увлекался. Так и вышло, что он пошел по этой части, а они стали художниками. Средний был самым молодым в группе, когда поступил в художественный институт, сейчас сам преподает там же, в Репинке. Старший живет в Германии: выставляется, преподает. Нет каких-то секретов, как специально воспитывать детей, надо просто помогать им, развивать их природные способности.



«Портрет Шейх-Джамалутдина Кази-Кумухского», 2008 г.

– Вы 27 лет руководили Союзом художников Дагестана. Расскажите об этом.

– Меня вызвали в обком и поставили перед фактом, что рекомендуют на должность председателя Союза. Он располагался в маленьком домике на Буйнакского, там сейчас Союз архитекторов, знаешь? Выставочный зал был крошечный, за перегородкой – кабинет правления, в маленькой комнате – худфонд. Мы активную работу вели, много выставок проводили, Союз расширялся, каждый год принимали молодых художников. Так что главной задачей было новое здание, мы даже заказали проект Ибакову *(Бадурдин Ибаков – известный архитектор, с 1971 по 1991 гг. председатель Дагестанской организации СА СССР, с 1985 по 1991 гг. – главный архитектор г. Махачкалы)*, но денег на стройку не было. А потом мне предложили принять в Махачкале в 1979 г. зональную выставку «Советский Юг». Она проводилась раз в 5 лет и в Дагестане должна была пройти впервые. Я думал разместить экспозицию в павильонах в парке Ленинского комсомола – там иногда проводились сельхозвыставки, а в остальное время они пустовали, – а прикладное искусство показать в музее. Стали готовиться. В 1978 из Союза художников и министерства культуры РСФСР приехала комиссия, чтобы проверить, как идет подготовка. Посмотрели все, и вдруг кто-то спросил: «А куда вы потом денете оборудование?» – а я не знаю, что ответить, в павильонах-то его не бросишь. Решили, что надо строить выставочный зал. Вытащили проект Ибакова и пошли в обком к третьему секретарю, который курировал эти вопросы. Объясняли, что выставка бывает раз в 5 лет, а в Дагестане будет впервые, и это очень важно и престижно для республики, но в ответ – «лимиты на год распределены, денег нет». Уходили без настроения, все срывалось. Терять было нечего и безо всякой надежды мы зашли ко второму секретарю, сейчас не вспомню его фамилию. Объяснили ему то же самое – и он нас поддержал! Бюро обкома вынесло специальное постановление, и я поехал в Москву согласовывать проект, который к тому же был не типовой. Ходил-ходил по всяким кабинетам, спрашивали все вплоть до коэффициента освещения на квадратный метр выставочной площади, и – не утвердили! Я плюнул на это согласование, и мы начали строить. Постоянно возникали проблемы, материалы доставали с боем, сроки поджимали. Ибаков почему-то задумал облицевать зал модными тогда плитами МДФ. Это был страшный дефицит, как сказал мне председатель Совмина,

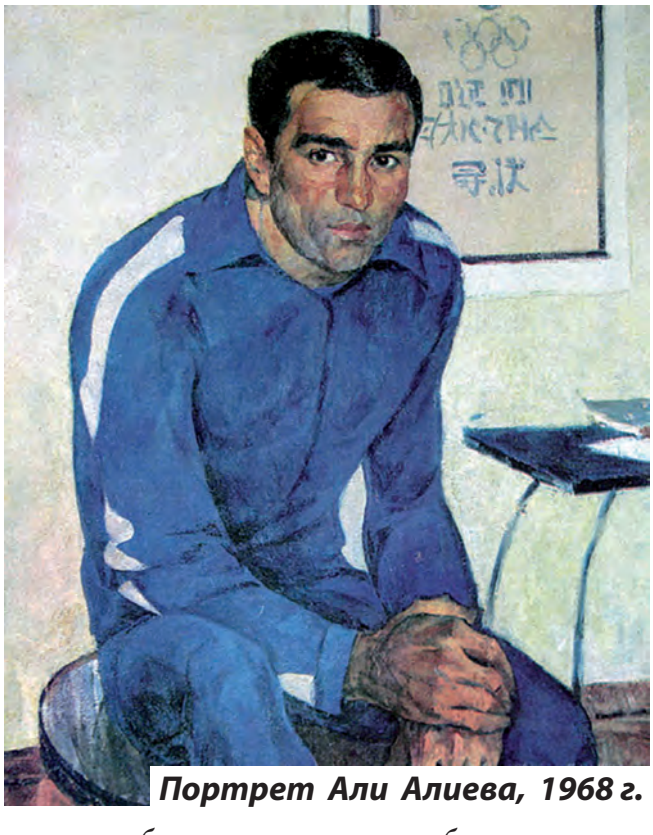
Защита диплома, 1965 г.

«Женщины гор» (центральная часть триптиха), 1968 г.

«я себе в кабинет еле достал». Придумали обтянуть стены холстами – холстов у нас тогда было навалом *(смеется)*, и сделать перегородки, увеличив выставочную площадь. Потом выяснилось, что в проекте какие-то особые плафоны, которые делают на единственной фабрике в СССР, и надо ехать в Армению. Времени не было, что нашли на складах Дагснаба, то и поставили (и холсты, и плафоны, и все остальное благополучно простояло в Выставочном зале вплоть до капитального ремонта в 2009 г. – *Ред.)*. Стройку завершили за 7 месяцев! Выставка открылась вовремя и прошла успешно: были хорошие отзывы в прессе, конференции, обсуждения. Но главное, мы получили здание, где разместились современный выставочный зал, производственные цеха худфонда, сам фонд, кабинеты. Наверное, тогда у меня и начались проблемы с давлением…

Портрет народного поэта Дагестана А. Гафурова, 1968 г.

Я ведь еще проводил большую работу, будучи членом правления СХ России, секретарем правления СХ России, председателем зонального выставочного комитета «Юга России», депутатом и членом президиума Верховного совета ДАССР. И как председатель Союза художников Дагестана, я занимался не только организацией выставок, но и проблемами художников республики. Мы строили мастерские, помогали с решением квартирного вопроса. Почти все наши художники тогда были обеспечены квартирами и мастерскими. А после развала СССР пришлось искать выходы, как сохранить за нами здание Выставочного зала, которое вдруг приглянулось многим «бизнесменам». Тогда же рухнула централизованная система заказов, других источников дохода у Союза, как общественной организации, не было, а здание нужно было содержать: оплачивать коммунальные счета, проводить текущий ремонт. Пришлось ужиматься, сдавать помещения в аренду. На мастерские художников тоже стали всякие бандиты покушаться. Мне удалось убедить руководство города, чтобы мастерские передали в собственность художникам, другого выхода не было. Мы тогда целой делегацией в администрацию ходили. В 1997-м я ушел с поста председателя, больше сил не было этим заниматься.



Портрет Али Алиева, 1968 г.

– За всеми общественными делами, преподаванием хватало времени на творчество? Как его оценивали критики в разные периоды?

– Конечно, творчество – это главное. Когда я приехал, мой первый заказ тут был от министерства культуры – написать портрет борца Али Алиева. Он как раз был в зените славы. Мне дали его адрес, и я пошел. Позировать как положено не получалось, к нему все время приходили, звонили, но я

сделал некоторые наброски и написал портрет – он сидит в домашней обстановке. Работу сразу забрали на выставку в Москву, потом на другую, журнал «Огонек» напечатал большую репродукцию, а я совсем потерял картину из виду. Много лет спустя узнал, что она в музее в Орджоникидзе (Владикавказ). А для нашего музея я сделал еще один портрет Алиева – парадный, со всеми медалями. Портрет как жанр мне всегда был близок, я ведь учился в мастерской Орешникова (Виктор Михайлович Орешников /1904-1987/ – один из самых сильных мастеров ленинградской школы живописи, ученик Петрова-Водкина и Бродского, блестящий портретист, запечатлевший весь цвет художественной, творческой и научной интеллигенции 40-80-х годов. – *Ред.*). Неинтересных, не близких мне по духу людей, я не изображал, будь то мои современники или герои прошлого, как Сурхай-хан или Джамалудин Казикумухский. Критику я особенно не чувствовал: ругательных статей обо мне не было, сильно хвалебных – тоже. Я всегда работал так, как я понимаю и чувствую, не оглядываясь на кого-то. Когда в 80-е гг. в Дагестане появились художники «новой волны» – Ибрагим Супьянов, Юра Августович, Жанна Колесникова, чуть раньше – Эдик Путерброт, мы их показывали. С некоторыми, с Эдиком в том числе, у меня были разногласия по поводу разного видения искусства. Конфликтов не было, нет, просто каждый работал по-своему, шел своим путем. Это нормально, это хорошо. Свое назначение как художника я всегда видел в реалистической живописи, но следил за всеми новыми направлениями, из которых мог что-то почерпнуть для себя. Помню, как нам, студентам, показали в запасниках Русского музея работы Машкова – огромное впечатление они на меня произвели! В 1962-м специально поехал в Москву на выставку к 30-летию МОСХА, где был весь авангард. Это та самая знаменитая выставка, после посещения которой Хрущев заявил, что «советскому народу все это не нужно», а в прессе началась кампания по борьбе с формализмом и абстракционизмом в искусстве. Но художники все равно продолжали творить, организовывали подпольные выставки, потому что официально выставлять их работы было запрещено.

Портрет Махмуда, 1981 г.

– Искусство развивается по своим законам, этим процессом нельзя управлять. А себя в абстрактном искусстве вы совсем не видите?

– Последнее время я много экспериментирую с компьютерными графическими программами в области нефигуративной живописи, мне это интересно. Но я и в реалистической манере продолжаю писать, одно не исключает другое, искусство должно быть разным.

Магомед-Расул

О национальном духе и новом мироощущении поэзии Магомеда Ахмедова

Передо мной новая книга дагестанского поэта Магомеда Ахмедова «Посох и четки», вышедшая в свет в 2015 г. в Москве под грифом «Золотая серия поэзии». Состоит она из трех разделов: стихотворения, поэмы и размышления. Я читал почти все, что вышло из-под пера поэта в переводе с аварского на русский язык. Не раз писал о нем, отмечая профессионализм его как художника слова и широкий кругозор как современного интеллектуала. Казалось бы, все хорошо. Но меня как-то не переставало преследовать ощущение того, что поэту не хватает какой-то изюминки, по которой можно было бы судить, откуда он родом, как связан он со своей малой родиной и что примечательного в этом. Поэтому, наверное, с некоторым опасением взял в руки новую книгу поэта с дарственной надписью. День-два она лежала на моем журнальном столике без внимания – боялся оказаться разочарованным. Но, не успев дочитать ее до конца, позвонил автору и поздравил с новым шагом вперед на творческом поприще.

Если раньше, при всей глубине мысли и образном мировосприятии, о том, что Магомед Ахмедов является дагестанским поэтом, можно было лишь догадываться по таким условным обозначениям, как «мой аварский язык, родной Дагестан, наши горы и ущелья», то теперь в стихах появились такие подробности и художественные детали, пропитанные национальным духом, по которым нетрудно судить, представителем какого народа является поэт, и какими морально-этическими устоями, обычаями и традициями, культурой и искусством отличается этот народ.

Чтобы не быть голословным, приведу в качестве примера одно из первых стихотворений сборника:

И снова с поля
Мать моя вернулась.
Свалила с плеч худых
Вязанку сена
И пот утерла
Высохшей рукой.

И показалось мне:
Движеньем этим
Она с лица морщинистого
Стерла
Усталость всей земли
И всех уставших…

«Ну и что? – удивится иной читатель. – Что в этом особенного? Обычный пример, какие в горах встречаются сотнями и тысячами. Строки эти и стихами не назовешь – даже рифмы элементарной нет! А вы хотите выдать это за какое-то достижение поэта! Так может сказать не только поэт, но и любой рядовой человек… »

А разве, кроме Пушкина, и любой другой не может сказать:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты…

Или, кроме Есенина, и любой другой не может сказать:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет…

Примеры привожу не для сравнения, а еще вернее – не для уравнения Ахмедова с классиками мировой литературы, а для пояснения непостижимого творческого процесса, когда поэт, сам того не подозревая, душой и мыслями сливается с читателем и предвосхищает его состояние и настрой.

Как можно оставаться равнодушным к женщине-матери, свалившей со своих худых плеч вязанку сена и высохшей рукой утирающей пот? Женщина эта, казалось бы, занятая собой, своим домом и хозяйством, озабочена не только

и не столько этим, сколько тем, как бы стереть с лица морщинистого усталость всей земли и всех уставших! Какой незаметный, естественно оправданный переход от частного к глобальному, какое единение между личным и общественным, человеком и вселенной!

И отсутствие рифмы здесь стало не недостатком стиха, а достоинством: сохранена свобода речи, ее органическое течение, присущее рядовым людям, не думающим о внешнем эффекте, выражающим свою мысль простыми, всем доступными словами.

Такую же смысловую, образную и поэтическую нагрузку, пропитанную национальным духом, несут и первые короткие стихотворения сборника «Затихли зашумевшие листья» и «Пора сенокоса».

Не мною сказано: краткость – сестра таланта! Магомед Ахмедов, как и другие поэты и прозаики, не раз слышал и читал об этом. Более того, читая растягивающиеся, как резина, стихи собрата по перу, сам не раз, кстати, напоминал об этом. Но знать и признавать – еще не значит самому следовать этому. При всей талантливости их исполнения, нередко стихи бывали перегружены не такими уж оригинальными размышлениями, навязчивыми повторами одной и той же мысли разными словесными изощрениями. Обычно сам автор замечает эти огрехи в своем творчестве позже читателей или критиков, а многие и вовсе воспринимают такие пожелания в штыки, не видя никаких недостатков в своих творениях.

Кто-кто, но наш незабвенный Расул Гамзатов неплохо разбирался как в чужих, так и в своих стихах. Дружба с ним была целой наукой не только для писателей, но и для любого человека. Мне приходилось не только часто общаться с ним, но и писать о нем. Когда я высказывал свои робкие сомнения по поводу каких-то строк того или иного стихотворения, он, прищурив маленькие проницательные глаза и полураскрыв губы в иронически-великодушной улыбке, говорил: «Может, ты и прав, Магомед-Расул, но беда моя в том, что я родился не в ауле златокузнецов, где мастера не допускают ошибок, ибо один неверный штрих портит весь орнамент… »

Не так давно на одной из встреч в Национальной библиотеке Республики Дагестан, носящей имя Расула Гамзатова, другой наш знаменитый земляк академик Шамиль Гимбатович Алиев рассказал о том, как поэт читал ему вслух новое стихотворение на аварском языке. Выслушав поэта, академик заметил: «В стихах витает гамзатовский дух, их не спутаешь со стихами других поэтов, но они закончились раньше, чем ты прочитал их». Когда Алиев пояснил поэту, что последние восемь строк, на его взгляд, лишние, поэт рассмеялся и со всегда присущим ему чувством юмора сказал: «Раз даже в моем стихотворении так много лишних строк, то представляю, как много их у других наших поэтов!» Не прошло и недели, как стихотворение поэта было опубликовано в аварской областной газете без этих злосчастных восьми строк.

В тот же день, говоря о литературе, академик как бы походя, обронил фразу, несущую в себе глубокий смысл: «Значение того или иного произведения определяется весом и весомостью человеческой души, вложенной в него».

В унисон мысли Шамиля Гимбатовича хочется подчеркнуть: вес и весомость человеческой души, вложенной Магомедом Ахмедовым в этот сборник, позволяет мне говорить о значительном шаге вперед, сделанном поэтом не только в своем творчестве, но и во всей нашей дагестанской литературе.

Магомед Ахмедов не только дружил, но и постоянно учился у нашего знаменитого поэта Расула Гамзатова. Ни одно замечание мастера он не пропускал мимо ушей, не одно стихотворение сокращал, переделывал по его пожеланиям. Гамзатов не раз высоко отзывался об Ахмедове как о перспективном талантливом поэте, называя его своим учеником и посвящая ему свои стихи. Много лет назад он писал в газете «Литературная Россия» о том, что «стихи Магомеда Ахмедова чисты, ясны, как сегодняшний первый снег»… На мой взгляд, великий поэт написал так не потому, что считал стихи Ахмедова во всех отношениях совершенными и лишенными каких бы то ни было недостатков – он предвидел, к чему придет молодой поэт, верил в его талант. Представляю, как порадовался бы Расул Гамзатов умению своего ученика писать кратко, образно и емко, попади ему в руки «Посох и четки»!

Скорей проснись и улыбнись беспечно,
Оставь свои печали в дне минувшем
И выбегай навстречу мне,
Накинув
На плечи
Это солнечное утро!

Или еще:

Выйду из дома – снова
Печально калитка скрипнет.

Не скажет мне мать ни слова,
Седой головой поникнет.

Пролает мой пес тревогу,
И эхо за мной рванется,
Но, выбежав на дорогу,
В испуге назад вернется!..

Представим себе молодых людей, поссорившихся по пустякам, а может, и по большому делу. И не важно, кто из них виноват, – может, виноваты оба. Но суть не в этом, а в том, что вчерашний день уже прошел, прошла и ночь, жить вчерашним днем – уже не жизнь; недаром в народе говорится «утро вечера мудренее», и в этой ситуации, как просто и ненавязчиво, образно и обнадеживающе звучит предложение пойти навстречу, «накинув на плечи это солнечное утро»! В этих словах подтекста во много крат больше, чем самого текста… Поэзия ценна не только верно сказанными к месту словами, но и тем еще, какой подтекст они несут за собой.

И эхо собачьего лая, рванувшееся за непутевым сыном, покинувшим дом, и в испуге вернувшееся назад, разве не дает надежды седой матери на возвращение сына?!

Какая насыщенная жизнь бьет ключом в этих как бы вскользь сказанных словах четверостишия и восьмистишия!

Не удержусь от соблазна процитировать еще одно восьмистишие под названием «В ЦДЛ».

В Москве есть Центральный дом литераторов, в ресторане которого обычно собираются братья по перу, обсуждают какие-то вопросы, осуждают одних, хвалят других. Нередкими посетителями ресторана были Расул Гамзатов и Ахмедхан Абу-Бакар, Мустай Карим и Кайсын Кулиев, Омар-Гаджи Шахтаманов и Магомед Ахмедов… Да и я не избегал родного ресторана. Но написать что-нибудь путное о наших запутанных посиделках мне и в голову не приходило.

В вот Ахмедов написал:

«Дайте, дайте еще один глаз
Наглядеться на женщину эту!» –
Восклицал Шахтаманов не раз,
Прикурив, как всегда, сигарету.

«Ах, поэты, чумы на вас нет,
И стихов у вас стоящих нету», –
Говорил Шахтаманов, поэт,
Затушив, как всегда, сигарету.

Шахтаманов был одним из бесспорно талантливых поэтов, эмоциональным, не очень организованным, в чем-то бесшабашным, но всегда остроумным, бьющим правдой не в бровь, а в глаз человеком, который чувство чести и достоинства ставил превыше всего. Что особенного в том, что он, как и его друг и коллега Магомед Ахмедов, в очередной раз пришел в ЦДЛ и, дымя сигаретой, в очередной раз хлебнул спиртного? Разве это значительный эпизод в его жизни или большой предмет для поэзии? Но мастерство поэта заключается и в том, что он и в обыденном, неприметном для рядового человека эпизоде видит его суть и обращает на это внимание другого. В этих восьми, как бы походя, написанных строках автору удалось создать запоминающийся образ сложного человека и большого поэта. Да, да, – я не преувеличиваю!

Иначе как могли любить этого неуравновешенного, горячего, как неоседланный конь, и нелицеприятного человека изящные и целомудренные женщины, если бы он не любил их вдвойне и втройне больше, чем они его? Даже в дни обильных возлияний и резких ссор с друзьями он шел не к авторитетам (к примеру – своему большому другу и аксакалу Расулу Гамзатову!), которые могли научить его уму-разуму, а тащился к женщине, которая могла его приласкать и понять без лишних нравоучений и от которой он уходил, как обновленный – более благорасположенный к людям, а может, – и к себе. Вот почему, когда его сотрапезники в пьяном угаре мололи всякую чепуху, он, прикуривая сигарету, криком кричал:

«Дайте, дайте еще один глаз
Наглядеться на женщину эту!»

Вот почему, когда его собратья по перу, благодушничая, возносили до небес друг друга, он, затушив сигарету (кончайте, мол, базарить), стонал от боли в душе:

«Ах, поэты, чумы на вас нет,
И стихов у вас стоящих нету… »

Сегодня это, как ни обидно нам, звучит еще более актуально и верно, чем тогда!

В унисон Шахтаманову Ахмедов пишет об этом в статье «Размышления с Расулом Гамзатовым», помещенной в той же книге: «Настало время бездарей. Любую издаваемую графоманскую макулатуру называют поэзией.

Начали писать все, от персональных пенсионеров до базарных баб и рыночных торговцев.

Книжные магазины полны бездарных книг, и все себя считают поэтами.

Сегодня жизнь поэта разошлась с судьбой, а реальность поэтического слова потеряла смысл.

Я твердо знаю: все мелкое, ничтожное, злое забудется, а вечно на земле останутся мужество, нежность, любовь, добро, справедливость и красота.

Все пройдет, а останется Поэт Расул Гамзатов и его время».

Да, горько сознаваться в этом, но это так.

Наиболее полную оценку Шахтаманову, как поэту и человеку, Ахмедов дал в блистательной статье, опубликованной в этой же книге в разделе «Размышления».

Еще одной – третьей! – особенностью нового этапа творчества поэта Ахмедова является органическое слияние его поэзии с окружающим растительным и животным миром, землей и небом, горами и ущельями…

В этом смысле заслуживает внимания признание поэта, когда он в предисловии к книге пишет: «С детства я находил поэзию везде: в родниках, в речке, в горах, в аулах, приютившихся на скалах, в орлах, парящих в небе, в ласточке, щебечущей по весне, в подснежнике, горящем как свеча на снегу. А самое главное, в простых людях – в горцах, чья тяжелая жизнь становилась легче от песни. Где вы, где вы, аульские свадьбы моего детства? Старинные наряды, песни, танцы делали людей счастливыми, у народа была общая радость, счастье, судьба, хотя жил он не так обеспеченно, как сейчас. Приезд кунака приравнивался к свадьбе, горцы делили вместе и радость, и беду».

У меня нет сомнений в том, что автор говорит правду и верно передает свое состояние души в тот период, когда он жил в горах и был всем нутром своим привязан ко всему, что окружало его, что он находил поэзию в роднике и речке, горах и скалах, орлах и ласточках… Однако сказать так – еще не значит донести это изобразительно-выразительными средствами поэзии до ума и сердца читателя. Эти благие намерения долго оставались в поэзии Ахмедова схематическими признаками, не выражающими сути содержания. Во многих стихах поэта и задолго до появления книги «Посох и четки» атрибуты эти возвещали о себе, но они редко становились органической частью того или иного произведения, редко несли за собой ожидаемую смысловую нагрузку.

Если раньше звезды и птицы, горы и орлы появлялись эпизодически в каком-нибудь стихотворении, а потом надолго исчезали, то теперь они прописались в подавляющем большинстве произведений как постоянные жильцы – родовые хозяева.

Давайте начнем со звезд.

В стихотворении «Гроза» читаем: «… темень укрыла звезды и повисла клоками дымными на листьях»; в «День убегал»: «Он низко так мою звезду нагнул, что свет ее упал ко мне на плечи»; в «Тому, что будет»: «Пока мороз рисует звездный узор на сумрачном стекле»; в «Вечерней звезде»: «Вечерняя звезда глядит в окно и четки слов моих перебирает»; в «Счастье»: «Звезды его восходят, когда умирает любовь: тогда сердце его, пылая, озаряет тьму»; в «Кто это с неба столкнул звезду»: «Если звезда в беде, я непременно ее найду, имя верну звезде»; в «Серебряных горных вершинах»: «Серебряное небо в ясных звездах, серебряные звезды в вышине»; во «Вчерашнем солнце»: «Вчерашняя нам светит звезда»; в «Век ушел»: «Ночью яркие звезды влетали в окно – не из зависти и не в укор»; в «И нет ни прощенья»: «И нет ни прощенья, ни воли к добру, лишь звезды в сиянии млечном»; в «Я вернусь к тебе»: «Небо ходит меня внутри, звезды вновь зазывают в рай… И любовь к тебе мне светила в ночи звездой»; в «Цветах и звездах»: «Цветов и звезд подарок царский сияет в жизни быстротечной»; в «К любви небесной я приник»: «И достаю рукой до звезд, ее касаясь струн»; в поэме «Поэт и женщина»: «Но, украв звезду его таланта, ты лишила света мир – это было горшей из утрат» …

Быть может, я кое-что упустил и не все примеры со звездами охватил, но я выписывал их с удовольствием, радуясь за автора и удивляясь тому, как преданно любит он звездный мир в его бесконечной многокрасочности и многообразии. Это не механическое перечисление неживых существ, далеких от землян, а живые, как и мы, организмы со своими сердцами и душами. Поэт, сам того не подозревая, но следуя своему природному дару, создал целую поэму о звездах, полную драматизма и глубокого внутреннего содержания.

Поэма эта звучит примерно так: «Вечерняя звезда глядела в мое окно и перебирала четки моих слов, но вечер нагнул ее низко, и мороз нарисовал звездный узор на сумрачном стекле, а темень укрыла звезду и повисла клоками дымными на листьях.

Иногда звезды ночами влетают в окна, но не из зависти и не в укор, а как царский подарок из дорогих цветов.

Когда любовь умирает, восходит звезда, и сердце, пылая, озаряет тьму, а любовь, воспрянув, начинает светить в темноте звездой.

Когда звезды зазывают меня в рай, я достаю их рукой, как бы касаясь струн твоей души. И если ж ты украдешь звезду моего таланта, то лишишь ты мир света – и это будет самой горшей из утрат!

А если вдруг кто-то столкнет с неба звезду, то я непременно подниму ее и верну на свое достойное место!»

Как видит читатель, я здесь ничего не прибавил и не убавил, а лишь скомпоновал этот отрывок из тех слов и выражений о звездах, которыми пользовался автор, создавая такой великолепный космический гимн!

Еще более органично и основательно поселился в поэзии Ахмедова птичий мир. Птицы в ней (орлы, ласточки, журавли…) щебечут и поют, летают и порхают, улетают в чужие края, унося с собой мечту, и возвращаются домой, давая надежду на ее исполнение. Они не бездумные и не беспечные существа, какими кажутся нам на первый взгляд, а живые организмы со своим птичьим языком, но вовсе не птичьим умом, умонастроем и мироощущением. Они задействованы в стихах «Я желанья забыл», «То, что хочешь припомнить», «Я вздрогнул на тихой дороге», «Тому, что будет, нет названья», «Сердце – снег в человеческой груди», «Мгновения», «Есть высокая тайна в природе», «Не дается мне в руки слово», «Белая элегия», «Вспомнил шиповник губ твоих ярко-красный», «В дни, когда птицы прощаются с летом и роща редеет», «То не слово по слову тоскует», «Милая ласточка каждой весной говорит мне о том», «Медленный снег над землею кружится», «Эхо повторило мое слово», «За пеленой космических туманов», «Покуда твое прошлое лежало», «Раненый журавль», «И меня учили сказки» и в других.

Тому, кто хочет представить всю картину в более конкретном виде, предлагаю, по моему же примеру, из слов и выражений поэта о птицах скомпоновать нечто подобное поэме о звездах. Уверяю вас, получите большое удовольствие и праздничное ощущение своей причастности к загадочному миру вольнолюбивых птиц!

Еще одним достоинством стихов Ахмедова является то, что в них нет ничего случайного, не к месту использованного, всуе сказанного. В них, как звезды и птицы, горы и реки, так и горные туры и домашние животные, так и дождевые черви и мелкие муравьи живут своей полнокровной одухотворенной жизнью, которой и нам с вами позавидовать не грех.

Привожу стихи о муравье:

Маленький, сердитый муравей,
Не печалься и не хмурь бровей.
Извини, что я тебя от дел
Оторвал. Я, правда, не хотел.
Без тебя – какие пустяки! –
Не получатся мои стихи.
Ведь когда я на толпу гляжу,
Только суету в ней нахожу.

Только суету, представь. А ты
Дело делаешь без всякой суеты.
Знаешь ли, мой маленький Сократ:
Мир наш хуже твоего стократ.

Какая простота и правда жизни, сдобренная такой ясной и вместе с тем мудрой философской мыслью, в равной степени доступной как аксакалу, так и голопузому ребенку! А сравнение крохотного муравья с мудрейшим из мира мудрых Сократом достойна пера выдающегося поэта и мыслителя!

Но муравей, как и другие жильцы поэзии Ахмедова, не случайный гость, как-то раз заявившийся, а потом канувший в лету. Поэт еще не раз возвращается к нему, воздавая дань его неиссякаемому трудолюбию, который «в микроскопической борьбе с утра до ночи весь мир таскает на себе» (стихи «Муравей»). Он обращается к нему и в стихотворении «Я сохраняю в сердце имена»…

Таких нестандартных образов, оригинальных мыслей, художественных деталей немало в стихах рецензируемой книги. Однако книга замечательна не только стихами, но и исполненными на высоком профессиональном уровне, проникновенными статьями о классиках дагестанской и мировой литературы, о выдающихся писателях современности, среди которых особо отметить хотелось бы его глубокие размышления об Омарла Батырае, Михаиле Лермонтове, Расуле Гамзатове… Статьи заслуживают обстоятельного анализа и соответствующей оценки. Но это предмет другого разговора.

Своей же статьей я вовсе не хочу сказать, что все стихи данного сборника написаны на одинаковом уровне и лишены каких бы то ни было недостатков. Моя задача в другом: обратить внимание читателя на те их характерные особенности, которые позволяют нам говорить о национальном духе и новом мироощущении поэзии Магомеда Ахмедова.

Далгат Ахмедханов

Спиноза и Сократ

Познакомились эти двое давно – лет 25 уже. Один, Дагир, постарше, другой, Багав, помоложе. Живут они в городе, который называется – тут скрывать нечего – Махачкала. Приличный такой городок, тысяч на 700 жителей. Столица, между прочим. А страна – Дагестан. Есть такая республика, автономная, конечно, что бы там не говорили, в составе другого государства – его-то все знают – России. Да и Дагестан с некоторых пор у всех на устах. Но уста разные. Одни кривятся, это у тех, которые только телевизор смотрят, а о Дагестане толком не знают. Их большинство. А у меньшинства, кто в Дагестане бывал, глаза теплеют, а губы трогает добрая улыбка. Но не об этом речь.

Речь о том, что вышли два друга на пенсию. И призадумались. Проработали они в одной конторе вместе почти 25 лет, и остались довольны друг другом. Что дальше? Не знают. Баклуши бить? К этому не привыкли. Чувствуют – надо дело найти. Огляделись – ничего по душе нет. Создавать новое производство, ведь и прежнее, в котором были заняты, начато было ими с нуля? Потому, что идея была привлекательна, а они понравились друг другу. Прямо – дружба получилась, с первого взгляда. Однако ж профессии у них – диаметрально противоположные. Но каждый – профессионал. И они органично дополняли друг друга. Да и качества их, ответственность, чувство юмора, способность пошутить и над собой тоже, помогали в работе. А особенно то, что наивность одного и практичность другого приводили к верным решениям. Лишаться этого им было жаль. Но чем заняться – ни тому, ни другому на ум не приходило.

Прошел почти год. Не раз обсуждали друзья эту проблему, советы других, столь же крутых, специалистов не приносили пользы. Варианты рассматривались разные, разброс был велик – от создания транспортного агентства, увязывающего в интересах клиентов возможности воздушного, железнодорожного и автомобильного сообщения, до – производства пьес, сценариев комедий, мелодрам, боевиков, на которые народ хлынет валом. Крайние полюса заманчивых идей после дебатов, смены блюд и напитков в очередной раз отвергались, но и промежуточные поддержки не находили. Пока в один из дней Багав не позвонил Дагиру и не пригласил к себе на собеседование.

Оно прошло исключительно плодотворно – по укоренившейся традиции в беседке среди уютного сада во дворе его дома. Старший его внук Булат, третьеклассник, интеллигентный мальчик, внимательно слушал беседующих друзей и иногда задавал умные наводящие вопросы. Зато младший, Батыр, едва достигший детсадовского возраста, мешал обсуждению возникшей у деда идеи изо всех своих уже недюжинных сил. Друзья справились с Батыром, и идея получила одобрение. В рождении ее, как, оказалось, были повинны и интеллигентный Булат, и шустрый Батыр.

А идея – проще пареной репы. Ничем подобным они прежде не занимались. Дело это прежде им даже претило. Хотя остальное население государства, и Дагестана, в частности, предавалось ему с большой охотой. Вот и друзья решили испытать себя. Мол, чем мы хуже? И здесь, чтобы читатель уверовал в неизбежность и логичность того, что произошло потом, необходимо сделать небольшое отступление, этакий изящный экивок в сторону генеалогии, народных традиций, родственных связей и математики.

Начну с того, что Багав богатый человек – у него две дочери и сын, два внука и две внучки, два брата и три сестры. У каждого брата и каждой сестры – свои дети: в каждой семье от двух до четырех детей. У отца Багава – четыре сестры, а у его матери – четыре брата и три сестры. У одной из четырех отцовских сестер восемь детей, у другой – шестеро, у третьей – тоже шестеро, а у четвертой – «только» четверо. А у каждого из четырех братьев матери – от трех до семи детей, а у каждой из трех сестер матери – от трех до шести детей. Старшая дочь Багава несколько лет назад решила подсчитать, сколько же у ее отца двоюродных братьев и сестер. Насчитала 56. С тех пор их число продолжало расти, и тенденция к замедлению процесса даже не проклевывается. Каждый, кто получал в школе на уроках математики оценки выше двоек, наверняка, знает, чем геометрическая прогрессия разнится с арифметической. В дагестанских школах, кстати, математика усваивается лучше ботаники.

Взяться подсчитать, сколько у Багава теперь родных вкупе с двоюродными, и только племянников и племянниц, никто не брался. Ну, очень, очень, очень много. В сезон свадеб у Багава почти каждую неделю происходило праздничное торжество. «Ты не устал танцевать и подарки носить?» – спросил его как-то Дагир. «Устал, – честно ответил, рассмеявшись, тот. – Но так принято. И это приятно, хотя, знаешь, и не всегда легко…» Поэтому в праздники, когда родственники и друзья ходят к друг другу с поздравлениями, в его дом лучше не соваться – затопчут… Так происходит на Ураза-байрам, на Новый год, в День Победы, или еще в какой, хотя бы, скажем, в День работника транспорта или во всемирный День туриста….

Так вот, в один из будничных дней, поскольку прием визитеров и в будни редко прекращается (гость в дом – радость в дом), один из племянников Багава принес его внукам, Булату и Батыру, подарок – двух маленьких крольчат. Радости было вдосталь – это у внуков, а Багав только в затылке почесал. Все же на первый раз он этот, с позволения сказать, презент где-то и как-то пристроил. Не мог же дед ребят огорчать. Затем приспособил оборудованный под кроличье жилье ящик. А потом настал тот час, который определил ритм жизни Багава почти на весь последующий год.

Вестником грядущей модернизации его жизненного уклада явился сосед, владелец в их бывшем дачном поселке дома справа. Увидев во дворе ящик с крольчатами, он воскликнул: «Вах, дорогой Багав, вот же твой баракат! А не твои года, как любишь повторять. Эти звери плодятся – не остановишь! Торгуй – а деньги в сундук. Банкам доверия – нет, как и на моем аварском – гьечу, так и на твоем кумыкском – ёк!»

В груди Багава что-то защемило, в животе екнуло. Не потому, что пригрезился сундук с рублями, долларами и евро. Он давно понял, что не в деньгах счастье. Хотя коротать время без их добычи ему было противно. Пенсия – да, но ведь не разгуляешься, даже курам на смех. Вечером он позвонил Дагиру, тот наутро явился, и – после всестороннего обсуждения – решение было принято. Правда, Дагиру место в рождающемся бизнесе отводилось не сразу.

Тот был махровым горожанином, и к сельскому хозяйству имел отношение исключительно прикладного характера – в качестве потребителя, причем, несколько привередливого, хотя – по отдельным позициям – и восторженного. Но эти его качества не могли способствовать повышению коэффициента полезного действия (КПД) в кролиководстве. Возникали опасения, что могли ему и помешать. Поэтому сошлись на том, что Дагир поначалу ограничится виртуальным участием – моральной поддержкой. Уход за сексуально озабоченными зверьками, продажу выращенных особей живьем и в качестве продукта – это он не потянет. Даже подсчет выручки поручать Дагиру было опасно. Зато в рекламной кампании он был способен достичь немалых высот. Но до этого этапа – производства необходимого объема товарной массы – было еще далеко.

Так Дагир остался в засаде, дожидаясь своего часа. Вот тогда он вступит в строй, и сонм покупателей будет толпиться у прилавка на махачкалинском рынке, оттирая конкурентов локтями и наступая им на ноги. А кто-то из женской родни Багава, стоя за прилавком, будет весело покрикивать на них, успокаивая, что диетического, удивительно полезного, экологически чистого – прямо «экомяса» – на всех хватит.

Дальнейшее конструирование бизнес-проекта шло путем «пошаговой» технологии. Первым делом было приобретено практическое руководство для кролиководa-любителя. Профессиональные пособия Багав категорически отверг, сказав, нагло демонстрируя знание творчества Чехова, что он «не Спиноза какой-нибудь». Дагир не стал спорить, не впервые это слыша, чему абсолютно верил. Но выразил надежду, что инструкция любителю будет исполняться настолько, насколько будет возможно в рамках его домашнего хозяйства и козней трехлетнего Батыра.

Следующим шагом было сколачивание первой жилищной клетки для первой супружеской пары. Потом появилась вторая клетка, третья…. А всего их окажется со временем четырнадцать. Назначение у каждой было не под копирку. Самцы, самки, а молодняк отдельно – юного, среднего и старшего возраста. Своя клетка и для процесса появления потомства, наконец, и для зверьков, готовых превратиться в товар.

Дагир однажды заикнулся, что неплохо бы – для полноценного развития всех унаследованных потомством качеств родителей – не допускать инцеста при совокуплении супружеских пар, но Багав так на него посмотрел, что Дагир чуть не остался заикой навсегда, а у Багава от возмущения предполагавшейся для него новой обязанности в ту минуту пропал дар речи.

Отдельная песня про кормежку. Два новоявленных бизнесмена так и не выяснили, какой жизненный позыв у их подопечных превалирует – к совокуплению или к еде? Первый из них – сугубо их забота – что хочу, то и ворочу, процесс не подлежал коррекции извне. Что было замечательно, и друзей устраивало. Совсем иное дело – кормление этих маленьких, пушистых, со стороны поглядеть, невинных созданий, а на самом

деле – гигантов сексуальной похоти. Они или предавались ей, или глотали, наспех пережевывая, все, что им приносили. А что им доставляло большее удовольствие, понять было невозможно. Багав привозил им впрок с оптового рынка тюки сена и мешки пшеницы, а «разносолы», рекомендуемые «руководством», он из кроличьего меню исключил напрочь с первого дня. Мэтр кролиководства весьма уверенно заявил с важным видом, что тогда его подопечные совсем озвереют, и тогда, мол, вкусовщина в пище будет способствовать лишь повышению сладострастия, а не увеличению приплода.

Непросто шли друзья к реализации проекта «Экомясо». Торговля еще не начиналась, а пока... То внутри сена в тюках оказывалось множество колючек, не будешь же ими травмировать нежных «гигантов». И Багав, в кровь исцарапывая руки, очищал тюки, а душу облегчал, извергая вслух разнообразные лексические идиомы. А то Батыр, утверждаясь в роли «пятой колонны» в самом логове бизнесмена, непостижимым образом ухитрялся поддеть крючки на дверцах клеток и выпускал почти всех этих пушистых, пока еще дармоедов, на волю. Хорошо, что во двор. Возникали трудности и более-менее масштабные, которые стоически преодолевались. А потом обнаружился один нюанс. Нет – два. Хотя – нет, даже три.

Нюанса три, но все они, как говорится, из одного флакона. Потому что обнаружились, когда пришла пора употребить в пищу экологический деликатес. Трансформация зверька в товар возможна лишь после малоприятной процедуры, производимой с помощью острого инструмента, которым может быть и нож, и топор, а может, и нечто, чем пользуются на скотобойнях более крупного масштаба. Теперь Багав этих пушистых созданий рассматривал уже как заурядную скотину. Что же у него в голове там щелкнуло? И почему?

Инерция, как учит физика, сила великая. Багав в школе физику не любил, как и остальные школьные дисциплины, предпочитая обходиться природным умом, поскольку интуитивно ощущал, что может на него положиться. И не ошибался, как подтверждала практика. Но инерции был тоже подвержен – будучи частью человечества, вынужденного следовать физическим законам. Дело в том, что в домашних условиях исполнение сей процедуры поручалось издавна в его семье именно ему – старшему сыну. Он вырос на городской окраине, можно сказать, в атмосфере причудливого сочетания городского быта с сельским. Родители переселились в город из аула и продолжали держать на этой городской окраине и корову, и кур. И соседи вокруг тоже так жили – уже и не сельчане вроде, но еще и не горожане тоже. Вот и стал Багав горожанином сельского разлива, что очень ему помогало в разных жизненных передрягах, выделяло его среди городских сверстников. Он знал и умел то, что другие не знали и не умели. Случалось, что он и грешил там, где городской житель – как рыба в воде, а он – как рыба на кукане. Но это лишь на минуту-другую, ориентировался он повсюду почти мгновенно. И в городе со своей реактивностью почти в любой ситуации не попадал впросак. Так что функции бойца убойного цеха, как и работника по раздаче кормов, естественно легли на его – не хрупкие, но и не могучие – плечи.

Нельзя не добавить к месту, что производственная структура затеянного пенсионерами предприятия в силу его специфики неизбежно повлекла за собой и другие командирские должности Багава. Вне всякой конкуренции – из-за отсутствия претендентов – он занял посты руководителя и других производственных подразделений. Да таких, что без опыта работы в столь важных областях человеческих знаний, как, например, медицина и акушерство, пусть и применительно к братьям нашим меньшим – совершенно было не обойтись. Но Багав обходился, пользуясь своей замечательной реакцией на всякие непредвиденные обстоятельства. Да и книжечка «Руководство для любителя морочить себе голову» тоже выручала.

Второй нюанс оказался из сферы – этических, что ли, или сентиментальных, если уместно так по этому поводу выразиться, соображений. Выявились они вдруг, к изумлению всех, кто наблюдал, как возникает из небытия спецпредприятие по производству «экомяса», всего у двух персон. Однако ж – не абы каких, а стоявших у самых его истоков. Одна персона – внук Булат, ведь это и ему в подарок были преподнесены два махоньких зверька, что спровоцировало все последующие действия. И что вы думаете? Когда дело дошло до первой пробы в качестве пищи повзрослевших собратьев подарка, Булат от участия в таком кощунстве категорически отказался. Как!? Эти чудные, нежные, пушистые создания банально есть? Жевать, глотать? Уговоры и никакие аргументы оказались не действенны. Что ж, это можно было понять, еще ведь ребенок, хотя и третьеклассник, чуткая, трепетная душа.

Но какова вторая персона! Здоровый такой лоб! Пенсионер уже, за плечами которого – тоже не хрупкими, хотя и не могучими, как и у Багава, – немало десятилетий. Однако – и этот туда же! Да, этим вторым виртуальным предателем бизнеса оказался Дагир, соучредитель, так сказать, – прости нас, грешных. Он тоже, что ли, чуткая, трепетная душа? Кто бы мог подумать!?

Эксперты, как и остальные участники и наблюдатели процесса приема пищи, поразились его поведению и были уязвлены до глубины своих заскорузлых душ его отказом пригубить (простите, это оговорка) хотя бы кусочек «экомяса». После уговоров и аргументов, адресованных, как и Булату, от Дагира, как и от Булата, отстали. В конце концов, мол, – «это их личное дело». Вот так, в одном «диетическом анклаве» оказались внук Булат и дед Дагир. Родственные души, понимаешь, прости нас, грешных.

А третий из упомянутых нюансов трудностей, возникших перед предприятием, рождающимся в муках, таковым вначале вовсе не воспринимался. Напротив, он был свидетельством успеха, признанием заслуг Багава на ниве кролиководства. И что особенно важно, что следует подчеркнуть дважды и трижды – в рамках домашнего хозяйства, которое грозило стать по статусу малым, а потом и средним предприятием. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Возможно, и Багаву грезились лавры лучшего кролиководa Дагестана, а там – кто знает – может, и всей России. А Дагиру – даже светила, возможно, премия как лучшему его подмастерью. По крайней мере, первые два месяца после получения продукта, готового к употреблению, с их лиц не сходило выражение довольства, присущее преуспевающим бизнесменам, купающимся в лучах славы. А потом….

Потом произошло то, что не было учтено в бизнес-планах предприятия, но неизбежно проистекало из нравственных установок новоиспеченного главного кролиководa, сформированных его воспитанием. Если же взглянуть на возникшую проблему шире, то эти установки и его воспитание явились продуктом народных традиций, культуры родственных связей, социальных отношений в обществе. Из чего проистекают все национальные обычаи, и такие, в том числе, как хлебосольство, гостеприимство и т.п. Замечательные качества народного характера. Багаву они были присущи в полной мере.

Первый тревожный звоночек о сгущающейся туче грядущего банкротства, опускающейся над домашней фермой, прозвучал неожиданно. Это случилось, когда Багав вдруг обратил внимание, что после первых месяцев, наполненных восхищением гостей, неизменно поднимавших тосты за дальнейшее процветание домашней фермы, продукции ее почему-то не прибавляется. А ведь до тех пор она, хотя и медленно, но неуклонно росла. И даже тенденции такой нет. В лучшем случае, очередная ее порция для грядущего застолья с гостем или с гостями, удивленными красующимися по периметру сада четырнадцатью клетками с безропотными зверьками, постоянно находилась. А теперь? Почему ее нет? Почему не работает народная мудрость: «Чем дальше в лес – тем больше дров»?

Да, всякий раз, с готовностью отзываясь на призыв посетителя, прослышавшего о ферме, или нечаянно ее обнаружившего, «отметить, как положено, это дело», Багав с удовольствием на него откликался. Но дни мелькали в трудовых хлопотах, родни было много, друзей тоже. Поэтому необходимость зафиксировать «свалившееся» на Багава богатство, невесть откуда вроде взявшееся, превратилось в многосерийный сериал нескончаемого празднества. Праздник – это ведь всегда хорошо. Да и чего греха таить – разве не приятно выслушивать в ходе застольных бесед о том и о сем также и слова восхищения своей инициативностью и трудолюбием.

Все бы ничего, Багав был радушен и искренне рад этим посещениям. Но все чаще и чаще, особенно, если визиты приходились на будние дни, когда гость уходил, а дома он оставался один – сын с невесткой на работе, Булат с сестрой Ширваной в школе, шустрый Батыр в детсаду, он, нет-нет, а стал задумываться. Что же получается? Он с этими прожорливыми и похотливыми зверьми колготится – то их накорми, напои, то роды прими, то ассенизатором поработай, то бойцом убойного цеха. И стал он замечать, что эту последнюю трудовую повинность с каждым разом стал выполнять все с большим удовольствием, испытывая все растущую изо дня в день неприязнь к своим пушистым мучителям. А затем – что самое главное и самое неприятное – еще и со стола последствия застолья убери, а потом – что самое мучительное – и посуду вымой, ведь внуки из школы придут.

Этого ли я добивался, спрашивал себя Багав, когда изучал «Руководство как морочить себе голову»? А Дагир со своими рекламными возможностями все это время прохлаждается, затаившись в засаде. Чего он ждет? Когда всех зверей сожрут? Да, дело это хорошее. Но сам он, хитрец, их не жрет. И пусть. И это ладно. Но только я, что ли, это делать обязан? Мы с ним все заботы раньше делили. Нет, надо что-то менять…. Или пусть тоже жрет, и поработает для начала хотя бы акушером, или….

Так Багав принял соломоново решение: поскорее съесть всех своих нежных сексуальных изуверов и найти с Дагиром новое приложение для их рвущихся в новое дело сил. Когда он это ему объявил, тот усмехнулся и, помолчав, лишь уточнил, на всякий случай:

– Потому что ты не Спиноза какой-нибудь?

– Поэтому, поэтому. А ты, между прочим, тоже не этот… как его… не Сократ.

Ильдар Абузяров

ТРОЛЛЕЙБУС, ИДУЩИЙ НА ВОСТОК

Когда я вспоминаю свое детство, то удивляюсь, сколько у меня было возможностей выучиться, стать человеком.

В пятнадцать лет бабушка пристроила нас с братом в медресе (вскоре брата выгнали) в надежде, что когда-нибудь мы выучимся и отплатим миру добром. После вступительных экзаменов по выбиванию ковров я окончательно укрепился в основном составе. Помнится, на первом курсе нас учили строительному ремеслу. Мы рыли под фундамент землю, таскали на деревянных носилках с железным днищем щебенку и кирпич, замешивали растворы.

Кажется, тогда, осенью я узнал, что «кирпич» – тюркское слово и означает оно «запеченная земля». И еще, покрывая рубероидом пустоту между двумя кирпичами, чтобы вода не затекала туда и не взорвала зимой к чертовой матери всю кладку, вглядываясь в темную пропасть простенка, в сплетенные из проволоки буквы, вдыхая запах голубиного помета и прелой листвы, я понял, что рядом с теплом человеческого жилища всегда находятся пустота и смерть.

Монотонность тяжелого труда скрашивали разговоры о футболе. Все тогда просто бредили европейскими звездами. Каждый выбирал себе любимчика: кому-то нравился «Милан» Кундера, кому-то – «Виллем» Шекспир. А кому-то – красно-белая гвардия.

Однажды один из шакирдов принес мяч, и мы устроили свой внутренний чемпионат. Играли за мечетью, после полуденного намаза, обозначив камнями ворота. Одежда у нас была одна и та же – и для работы, и для молитв, и для развлечений: тюрбаны на головах и длинные, до пят чепаны, под которыми лучшие из нас искусно прятали мяч. Наступать на подолы стелющихся по земле чепанов было грубейшим нарушением правил, так же, как и толкаться локтями.

В нашем узком кругу футбол принес мне авторитет. Я был грозным нападающим. До сих пор помню, что самым опасным было идти по правому флангу: если ты справа, тебя обязаны пропустить, по сунне Пророка (МЕИБ). Поэтому мяч у нас двигался исключительно против часовой стрелки, по кругу, и никаких угловых не было – это против правил.

После напряженного матча мы пили зеленый чай из пиал, вприкуску и вразмешку с большими кирпичами сахара, которые бросали на затвердевшее от цемента слегка зеленое фарфоровое донышко носилок, а затем разбалтывали их хромированными ложечками с белыми от известки рукоятками, громко смеясь над всякой глупостью, например, над тем, что «мяч» в переводе с тюркского – «кошка».

К третьему курсу здание медресе было построено. Нас отвели на первый в моей жизни урок. Что-что, а это событие я запомню надолго. Скинув перепачканные цементной пылью туфли, мы ступили на мягкий шерстяной ковер, уселись за парты, вдыхая запах свежей краски. Ректор поздравил нас с началом учебного года, рассказал о науках, которые нам предстоит изучать, об их важности, потом призвал нас быть усердными и честными по отношению к себе шакирдами и поведал историю о Великом имаме.

Этот имам будто бы жил праведной жизнью. Звали его то ли Абу Ханифа, то ли Капут Халифат, точно не помню, но, пожалуй, ему больше подошло бы имя Винни Пух.

И вот однажды, промолившись всю ночь напролет, этот достопочтенный шейх пытался разрешить стоящую перед людьми проблему – нравственно ли ходить в гости по утрам. И неизвестно, какой бы получился ответ, не постучись в то раннее утро к нему в дверь Абу Кабани. Этот уважаемый отец семейства привел своего маленького сынишку с тем, чтобы имам отчитал его.

– За что же я должен отчитать его? – поинтересовался имам.

– О, уважаемый, мой сын так любит мед, что кушает его уже без хлеба – как на завтрак, так и на обед, и на ужин. Не чревоугодие ли это?

– Хорошо, – просопел имам, почесав бороду. – Приходите через сорок дней, и тогда я отучу твоего сына от этой пагубной привычки.

И вот ровно через сорок дней достопочтенный отец семейства Абу Кабани с сыном вновь ранним утром, пока еще земля не превратилась в раскаленную солнцем брусчатку, отправился

к Великому Имаму. И только они переступили порог наитишайшего дома, Великий Имам обрушился на несчастного с такой речью:

– О, мальчик, не кушай больше мед, пренебрегая хлебом, это плохо. – Помолчав пару минут, Несравненный поднял бровь и добавил: – Все.

– Как все? – удивился Абу Кабани-старший.

– Так – все, – ответил Имам.

– И ради этих простых слов мы ждали целых сорок дней?

– Но я же не мог, будучи сам большим любителем меда, кого-то поучать, не имел морального права. А сорок дней – это тот срок, за который мед выходит из организма. Сорок дней я не ел меда, – признался имам Винни Пух.

– Вот какой это был праведный человек, – подытожил ректор. – Пусть он будет вам примером.

Все это я вспоминаю не потому, что мне нечего делать, нечего описывать, кроме своего детства и отрочества, как другим писателям, а лишь для того, чтобы вы не считали меня полным сумасбродом и я сам не считал себя таковым.

Конечно, потом я спился, как положено всем суфиям, валялся под забором, в лужах. Но каждый раз, находясь в таком свинском состоянии, я вспоминал и тот зикр-футбол, который мы разыгрывали с друзьями, и свет первого урока, и имама Абу Ханифу, и технику хуруфитов. Вспоминал и думал: а все-таки они похожи, эти слова – Абу Ханифа и Винни Пух – в них буквы из одного ряда. А ведь Винни Пух не что иное, как «вино плохо» – буквенное заклинание свыше.

Да, друзья, не пейте вино, не нюхайте, не колитесь… Да, я понимаю, на Руси без медовухи никак, и все-таки… Это говорю вам я, горький пьяница, который в один прекрасный момент перешагнул на следующую после труда и пьянства ступень – ступень любви.

Случилось это четырнадцатого июля в троллейбусе, который идет на восток. Троллейбус – это вообще вещь без сердца, ну как тут не напиться! У автобуса мотор, у трамвая рельсы, а этот так – вещь на лямочках. К тому же в троллейбусе меня преследует притча об обезьяне, собаке и свинье – не помню, рассказывал ли я вам ее. В общем, вдрызг пьяный, в жутком, подавленном состоянии я болтался, пытаясь держаться за поручень и при этом краем глаза следить за своим равновесием.

И тут… – отсюда я буду рассказывать словами своей любимой (скажите мне, что мы такое, как не отражение в глазах своих любимых) – она меня заметила.

Она меня заметила. Ласточкой болтаясь под поручнем, как под радугой, что после дождя, она обратила на меня внимание.

– Я… это самое… чувствую, меня подташнивает, – рассказывала она потом, смущаясь, и, тем не менее, двумя пальчиками, жестом заботливой хозяйки отодвинув со лба длинные черные волосы, словно ирисовые занавески, взглянула на меня и подумала: в мире так много красивых мужчин… и… это самое… забыла.

А как же еще, конечно, забыла, потому что, представьте себе, была пьяна, перебрала-перепила, переплела водку с пивом, потому что ее мутило, и она боялась высказать любую мысль вслух, старалась поскорее забыть, сдержать словесный поток. И еще эти снующие туда-сюда машины и электрические столбы – два пальца за окном в рот.

– Я чувствую, что если бы мы вдруг резко поехали в другую сторону, меня обязательно бы стошнило, – и вдруг на ее длинное шифоновое платье, на край занавески кто-то сморкнулся несвежими щами. Она открыла глаза и увидела такого красивого мужчину, такого красивого, что решила: а не стошнить ли ему на пальто в ответ. (Это мне.)

– Я… это самое… когда поняла, что на меня уже кто-то «сморкнулся», мне стало совсем худо… Но я сдержалась, закрыла глаза и прижала пальчик к виску. (Это я ее провоцировал.)

Троллейбус на перевернутых ходулях-цыпочках качнуло с такой силой – не поспишь, – что я очнулся и начал медленно продвигаться к выходу – шаг вперед, два в сторону, – принимая тычки недовольных пассажиров.

– Пропустите его, не видите, ему же плохо! – раздался истошный вопль.

Увидев вокруг столько новых красивых мужчин, которые к тому же не облевали ее платье, можно сказать, красивых интеллигентных мужчин, но стоящих как-то в стороне, она бросилась мне на помощь под презрительными взглядами женщин. (Не надо, я сам!)

Мы вышли, сели у канализационного люка, испускавшего пар шариками, и поняли: если срочно что-нибудь не съедим, нам станет совсем плохо. Свежий воздух, как руки убийцы на шее коня, отрезвляет. Совсем рядом, в двух кварталах, находилось медресе, где я учился, и поэтому, недолго думая, мы отправились туда поесть мяса и попить чаю. Но сделать это оказалось непросто: на всех воротах висели огромные амбарные замки.

– Пойдем отсюда, – дотронулась до моего плеча Айя (так звали мою попутчицу).

– Подожди… У тебя есть платок? – спросил я.

– Зачем?

– Отвечай, есть или нет, – настойчиво повторил я.

– Есть шарфик.

– Повяжи на голову.

С этими словами я лихо вскарабкался по ажурной решетке чугунного забора и, произнеся положенное в данном случае ритуальное заклинание, перекинул правую ногу на сторону двора.

Моим радужным надеждам осуществиться в этот вечер была не судьба. Я даже не успел спрыгнуть с двухметровой высоты, как появился грубый сторож с ружьем и собакой. Они лаяли и ругались.

Айя отвернулась, а я подумал: это даже хорошо, что я не успел спрыгнуть, все равно она бы не оценила. Мне стало стыдно за то, что не могу накормить девушку, за сторожа. И тут – о, чудо! – о решетку брякнула находящаяся в моей сумке банка с медом. Как же я, нищий ишак, мог позариться на чужое добро, когда у меня целая банка меда!

Мы пошли в гору, «на жердочку» – мое излюбленное место, там, где резко начинается и обрывается город. Медом я ее покорил. В наше время дамы привыкли быть приглашаемы в бар. А тут мы шли, и я впервые подумал, что мое сердце, когда-то вырубленное палачом и помещенное в торбу с патокой желудочного сока для лучшей сохранности, для того, чтобы предстать во всей своей красе перед Верховным Визирем, все еще ёкает.

Засунув в эту торбу пятерню, я доставал свисающие с пальцев лучи меда, и мы их слизывали-целовались. Целовали сердце: ам, ам.

– Майонез будешь?

– Обожаю!

У меня еще была банка майонеза, и мы ели его без хлеба, и всю ночь напролет говорили о всякой ерунде, о всякой всячине, что дарит нам тепло, о солнце, о звездах.

Показывая небоскребы с горящими окнами, я хвастался, что вот этими самыми руками строил храм, и что «изба» в переводе с тюркского означает «теплое место»… и как жаль… хотя там, где нам тепло, там и есть наш дом, запомни это, Айя.

А затем, читая суру «Пчелы», я рассказывал, что каждое творение рук человеческих, будь то забор или небоскреб, исписано словами, и стоит эти слова прочитать, как стены разъезжаются. Но это совсем не страшно, потому что только там, где нам тепло, наш дом.

– У меня едет крыша, – сказала Айя.

– Пора укладываться спать.

Мы легли под «кукареку» ангелов, в ярких пятнах луны, пальцы в меду, город в огне. И спали, прижавшись друг к другу спинами, постепенно согреваясь под набирающим силу солнцем.

Ее спина была такой горячей, что остатки прошлогодней пожухлой травы вспыхнули ярким пламенем. Это не Нерон, а бомжи подожгли Рим – город, где солнце начинается с жердочки над обрывом.

Когда мы проснулись, Айя предложила мне пойти в музей – там на стенах всюду висят картины-символы, буквы. Видите ли, для нее было очень важно ходить со своим мужчиной в музей. И я не отказался, ведь это наша прямая мужская обязанность.

Мы ходили по залам, держась за руки и рассказывая друг другу наши видения, где и почему должны разъезжаться стены, исписанные буквами. Особенно меня поразил Пикассо.

В полпятого корявая бабуська-смотрительница начала оттеснять нас от картин, вежливо подталкивая руками, вытеснять из зала в зал. А другая бабуська тут же запирала за нами двери тяжелым неповоротливым ключом.

Мы побежали на третий этаж, но там творилось то же самое. Весь народ столпился на лестничных клетках.

– Что нам двери с амбарными замками, – шепнула мне Айя, – когда перед нами разъезжаются стены.

Погасили свет, и мне показалось, что я замурован в холодный простенок, с крышками от бутылок из-под пива, с голубиным пометом. Я остался совсем один. Но тут кто-то достал фонарик, кто-то зажигалку, послышались смешки и остроты, и толпа гуськом потянулась к выходу, где расползлась на три рукава: один к гардеробу, два к туалетам. Мы с Айей тоже вынуждены были разомкнуть наши руки. Я взял свое единственное среди сумочек и пакетов пальто и стал с интересом наблюдать за мистерией фонариков и зажигалок. Они суетились-светились, как пчелы в улье, им было хорошо и весело, а рядом в темных залах болтались тени повешенных и замурованных художников, соскребая со своих лиц голубиный помет и вынимая из ушей пивные крышки.

Мне стало почему-то страшно за Айю, когда она скрылась за дверью туалета и долго пропадала, а потом, к моей радости, как фокусница с горящими глазами, появилась из другой двери.

– Знаешь, – сказала она, когда мы вышли из «нашего дома», – я села на унитаз, а стульчак оказался теплым, согретым чьим-то телом. Это такой кайф – садиться на теплый унитаз, согретый специально для тебя в бездушном музее, и думать, что кто-то дарит тебе тепло своего тела. В этом есть что-то супервеликое, суперчеловеческое.

И тогда я понял, что люблю ее, очень люблю, и мы пошли по вечернему городу, намереваясь зайти в булочную за батоном и в молочную за кефиром, и по пути я спросил ее:

– А знаешь ли ты притчу о собаке, обезьяне и свинье?

– Знаю.

Тимур Раджабов

Камня древнее и мягче воды

МАЙ

Оставалось лишь наблюдать, как зима длинна.
Провожая взглядами, думать о новом старте.
Двадцать мартов назад о таком не мечтали марте,
сорок мартов вперёд – нас проводит сама весна.

Было холодно, было грусти хоть отбавляй,
но вернутся надежды, мечты превратятся в планы.
Февраль – что ни год – кругосветны, как магелланы,
раз на раз не придёт, но приходится май на май.

«Каравелле – дорогу и плаванье кораблю –
две земные любви разожгут неземное пламя» –
нынче даже поэты попрятались за стихами,
не набравшись отваги сказать «я тебя люблю».

Было холодно, было грусти хоть отбавляй –
будет светлою ночь, будто в зиму ворвётся лето.
Если наша надежда – вне времени, тьмы и света,
каждый день – воскресенье, и месяц нам каждый – май.

ТИШИНА

Тишина – это самый отчаянный крик. Привет,
равнодушное пламя, бесцветный, как воздух, дым.
Кто молчит обо мне, кто придумал немой сюжет
с горячительным кофе, не греющим дух спиртным?

Зреет добрая драка в сердцах, в зеркалах темно
и разбитым корытом шатается в буднях быт.
Не припомню значения множества слов давно,
да и сам я словами, наверно, давно забыт.

Конденсатор тепла на штампованной плате – труп.
Лоскутами надежды играет сирокко лет.
Одиночество – это в затылок любви шуруп,
но померкнет и тьма, постепенно сойдя на свет.

Ложь и правда фомы – для ерёмы никчёмный спам,
поцелуй бультерьера, сошедший с экрана вождь.
Вынося приговор по известным не нам делам,
ветер рвёт занавески, тоску исполняет дождь.

То, что галстук верблюду, то мне колокольчик – блажь:
и в гробу я, наверное, вряд ли поверю в тишь:
я любил тебя, слышишь, мой самый глухой мираж?
И, надеюсь, за это ты вряд ли меня простишь.

ВРЕМЯ

Камня древнее и мягче воды,
мудрости ярче, отважней героя,
превознесёшь ты и смоешь следы,
время небесное, время земное!

Лишь на тебя уповает порой
бедный художник, собрат твой по крови.
Время, бессмертием светлым покрой
тех, кто не видел ни света, ни кровли.

Всякой эпохе – своё макраме:
век – будто нить с узелками на память.
Нам ли грустить: во дворце и в тюрьме
нас не с проклятьями вспомнят – стихами.

Тех же, чей жребий зовётся «успех»,
кто и в почёте, и в холе, и в силе,
смерть не разделает и под орех –
ни скорлупы не оставит, ни пыли.

Прахом что было – воротится в прах,
только всегда и уместно, и ново
через столетья у всех на устах
доброе, тихое слово.

Я – СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ...

Одиночество… Сон… Беспокойная, мутная дрёма…
Дни шумят в унисон – обговорено все и знакомо.
Я грустить не хочу и смеяться причин не осталось.
Световому лучу для разбега нужна-то лишь малость,

но в осколке Луны – отраженье, уныло и серо –
тень великой страны – расчлененного СССРа…
Одиночество… Сон… беспокойная, мутная дрёма:
в новомодный притон забрели Салават и Ерёма –

здесь, в кривых зеркалах, государство синьора Дохода,
здесь великий размах и раздолье для мелкого сброда...
Моё тело во сне беспокойный пронизывал ветер,
и послышалось мне: – «Что ж вы сделали, сукины дети!

Я – Советский Солдат – Прохоренко, Матросов, Гаджиев
Я – Москва, Ленинград, Ашхабад, Севастополь и Киев!
Через пепел и ад я прошел не от спеси и скуки:
я – Советский Солдат, я выкручивал дьяволу руки!

Я не плакал навзрыд в тяжелейшем бою за Отчизну,
без молебна зарыт – отслужила Победа мне тризну,
но сквозь множество лет Одиночества – голос мой звонок:
навидавшийся бед, я рыдаю как малый ребенок!

По Советской земле, нашей Родине-матери – сами
как SS в полумгле вы прошлись, грохоча сапогами!
Я – Советский Солдат – Прохоренко, Матросов, Гаджиев…
Я – Москва, Ленинград, Ашхабад, Севастополь и Киев!»

Баху-Меседо Расулова

Сияние луны

ПОДАРИ...

Подари мне темной ночью
Солнца луч. Хотя бы раз.
Для подарка хватит мочи –
Это свет любимых глаз.

Подари во мгле туманной
Просветленье под луной.
Мне не нужно талисманов,
Слово нужно, лишь одно.

Подари зимой морозной
Сада майского цветы.
Скажешь, это невозможно?
Нужно лишь, чтоб снился ты.

ЛУННЫЙ ВЕЧЕР

Сиянием луны облит сосновый лес,
Он сине-золотой под куполом небес.
Ни веткой не качнет, не скрипнет в тишине,
Чтоб не спугнуть зверей, забывшихся во сне.

Лесное озерцо сияет меж стволов,
Как глаз, глядящий ввысь поверх лесных голов.
Водой отражено ночное бытие,
Глядит в нее луна, как в зеркальце свое.

ПРОЩЕНИЕ

Благодарю прошедший день
За изгнанную злость и лень,
За добрых помыслов свершенье.
Прощаю всех. Прошу прощенья.

И, просыпаясь утром рано,
Прощу опять, коль словом ранят.
Я улыбнусь любой ценою
И сердце радости открою.

ЦВЕТЫ

Не от ветра дрожь в цветах, –
Что сорвут, волнует страх.
На бутонах – не роса,
А – горючая слеза.

Ведь в теплицах городских
Жизнь короткая у них.
Робко на людей глядят,
Стать букетом не хотят.

Не дарите мне цветы,
Не губите красоты.
Не могу без слез смотреть,
Как их иссушает смерть.

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Кровь по сосудам идет и идет.
Движется вечно куда-то народ.
Вечно летят по орбитам планеты.
Где началось и закончится это?

ВЗРЫВ

Давно о любви не писала стихов –
Казалось, огонь тот утих.
Но вот взорвались наши взгляды без слов
Зарядом одним на двоих...

И сразу рука потянулась к перу.
Пробились проталины букв.
Я счастлива так, что, наверно, умру
От радости или от мук.

Откуда такая гремучая смесь,
Такая взрывная волна?
Наверно, любовь – это все же болезнь,
И я безнадежно больна.

ЯВЬ И СОН

Всю жизнь стараюсь я проснуться,
Смысл жизни нашей отыскать,
Ко всем душою прикоснуться,
Понять, как жить, о чем писать.

Мой первый дом в двадцатом веке,
Я смутно видела его,
Как будто не открыла веки
Для пробужденья своего.

Теперь живу я в двадцать первом,
Но трудно и его понять,
Зачем он по душе и нервам
Стремится без конца стрелять?

Где ясности ума набраться,
Увидеть счастье наяву,
Чтоб не со страхом просыпаться,
А с ликованьем, что живу?!

ВЕТЕР

Ветер шуршит оперением крыл.
Ветер бессонницу мне подарил.
То он ворота, скрипя, отворит,
То что-то шепотом в щель говорит.

В раму стучит. Завывает в трубе.
Жалобно плачет о горькой судьбе.
Кличет на помощь тоскующий дождь.
Снова знобит меня нервная дрожь.

Капли как слезы текут по стеклу.
Я со свечой возвращаюсь к столу.
Зыбкие тени на стенах растут.
Борозды строчек бегут по листу.

НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

Спустилась туманная ночь.
Сгустилась беззвездная мгла.
Мечтания вытолкав прочь,
Тоска в моем сердце легла.

Свеча догорела давно,
Свернувшись, на блюдечке спит.
И, скукой завесив окно,
Мне небо ложиться велит.

В могильной тиши не пойму,
От страха иль страсти дрожу,
Во сне или все ж наяву
По лесу как призрак брожу.

А там, на поляне лесной
Живет одинокий поэт.
Он ждет нашей встречи ночной,
В глазах его – радости свет.

Я, будто цыганка, пою
Какой-то старинный романс.
Мы вместе... Мы оба в раю...
Ах, только бы сон не погас!

ЗЕМЛЕ ПОД АСФАЛЬТОМ

Что тебе снится, земля, под асфальтом,
Под беспросветной и душной броней?
Крутят колеса бессчетные сальто,
Трель соловья не услышишь весной.

Много веков ты не знала темницы.
Вольно паслись на лугах табуны.
Пели весь день голосистые птицы,
Девушки пели при свете луны.

Белое было зимой покрывало,
А по весне был цветочный наряд.
Солнца с приходом прогресса не стало.
Участь твоя – заточенье и смрад.

Мы – поколенье машинного века.
Нам не до птичек и диких цветов.
Деньги сейчас – наша главная «Мекка».
Ждут тебя новые ленты оков.

ЗВЕЗДА НА ПОДОЛЕ ГОРЫ

На синем подоле горы,
Над близкой желтой скалой
Звезда одиноко горит,
Звезда говорит со мной:

«Чтоб этой скале не краснеть,
Селу гордиться тобой,
Должна для людей ты гореть,
Чтоб свет был заметен твой».

А возле подножья скалы
Твердит мне горный поток:
«Родятся на скалах орлы.
И твой на горе исток.

Запомни звезду над скалой,
Запомни родную высь,
И, где б ни скиталась порой,
К истокам своим вернись.

ДУХ ВЕЧНОСТИ

Дух вечности витает где-то.
Зову без отклика в ночи:
«Дух вечности, скажи мне, где ты?
Дай знак мне. Только не молчи!

Что над бессилием смеяться?
Хоть на мгновенье снизойди.
Да, страшно жить! – могу признаться. –
Покой не в силах обрести».

Как близко истина витает,
Но не поймать ее никак.
Дух вечности бесследно тает
И исчезает в облаках.

Пью жизни вечное страданье.
Ко дну губами припаду,
В последней капельке сознанья,
Быть может, истину найду?!

Переводы В. Латынина

Я БЫ ВЕТРОМ БЫЛА

Я бы ветром была,
Что целует тебя то и дело.
Мне – его бы крыла,
Я б тогда за тобой полетела.

Но может в твой дом
Этот ветер войти за тобою.
Чтоб унизясь, тайком –
Никогда я не буду такою.

Я б одеждой была,
Чтобы только к тебе прикасаться,
Чтобы только могла
Не расстаться с тобой, не расстаться.

Но одежда та вновь
Обветшает как прежде, я знаю.
Я такую любовь
Никогда, никогда не прощаю.

И глазами была б
Я твоими, исполнена чести,
Чтоб остаться могла б
После смерти с тобою я вместе!

УПРЯМОЕ СЕРДЦЕ

Скала, куда в стремлении отважном
Я поднимаюсь – очень высока,
Только моя тропинка с шагом каждым
Все уже, все страшней – под облака.

Под знойными лучами я упрямо
Иду и все гляжу с тоской –
А вдруг за поворотом этим, мама,
Появишься, неся кувшин с водой.

Где б в детстве не споткнулась – подымала
Меня опять с завьюженной земли,
Чтоб жить спокойно мне –
А я устала...
Упрямое мне сердце замени.

Переводы В. Цыбина

ВЕТЕР

Ветер – чудо голубое,
Хоть на самый краткий миг.
Унеси меня с собою
Поглядеть на этот мир.

Отыщи от грусти средство,
Дай тоску мне разогнать.
Укачай меня, как в детстве
В деревянной люльке мать.

Силу подари большую,
И полет твоей мечты,
Землю всю обнять хочу я,
Как ее объемлешь ты.

Перевод С. Хомутова

Даргинский музыкально-драматический театр на сцене Государственного Театра поэзии

Фото Г. Расулова

Офицерское собрание на сцене Государственного Театра поэзии

Фото Г. Расулова